

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ
ЭТНОГРАФИЯ

3

1 9 5 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ*

Одним из наиболее сложных и неразработанных вопросов древней и ранне-средневековой истории СССР является вопрос о происхождении народов нашей страны. Буржуазная наука, исходившая при решении этногонических вопросов из расистских представлений и националистических тенденций, чрезвычайно усложнила и запутала этот вопрос. Советская историческая наука решает его совершенно заново, накапливая соответствующие фактические материалы и рассматривая их в свете марксизма-ленинизма, в свете трудов В. И. Ленина и И. В. Сталина по теории национального вопроса.

Советская наука исходит при этом из того основного теоретического положения, что процесс образования народностей и национальностей является процессом историческим. Он определяется прежде всего внутренними социально-экономическими условиями, зависит от уровня их развития.

Характер этногонического процесса зависит также и от конкретно-исторической обстановки. Вместе с этническими традициями, значение которых не следует преуменьшать, конкретно-исторические условия в значительной мере определяют специфическую (национальную) форму культуры того или иного народа, той или другой национальности.

Выдающееся значение для исследований в области происхождения народностей и наций имеют работы И. В. Сталина, посвященные вопросам языка и языкознания, явившиеся новым крупнейшим вкладом в теорию исторического материализма. В этих работах И. В. Сталин показал, что взгляды акад. Н. Я. Марра на язык, как надстройку, как явление классового порядка, его взгляды на развитие языка, получившие значительное распространение в среде не только советских языковедов, но и представителей исторических дисциплин, не имеют ничего общего с марксизмом. В своей работе И. В. Сталин широко раскрыл основы марксистской теории языка, как орудия общения людей, общественного явления, непосредственно связанного с производственной и иной деятельностью людей в обществе, но порожденного отнюдь не тем или иным экономическим строем общества, не той или иной ступенью общественной жизни. «Язык порожден не тем или иным базисом, старым

* Публикуемые здесь исследования по этногенезу чувашского народа представляют собой доклады, прочитанные авторами на сессии Отделения истории и философии Академии Наук СССР и Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории 30—31 января 1950 г. Статьи находились уже в наборе, когда были опубликованы работы И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», «К некоторым вопросам языкознания» и «Ответ товарищам», ценнейшие указания которых авторы постарались учесть.

или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений»¹.

Известно, что язык является одним из важнейших признаков, определяющих племя, народность, нацию. Он составляет национальную форму их культуры. Поэтому взгляды Н. Я. Марра на развитие языка, некритически воспринятые историками и археологами, занимающимися вопросами происхождения народов нашей страны, привели к ряду ошибочных построений и в этой области. Характерным примером является вопрос о происхождении чувашского народа, который рассматривался Н. Я. Марром, как народ в своей основе яфетический, сохраняющий в своем языке черты яфетической стадии.

И. В. Сталин показал, что «теория» стадиального развития языка, из которой исходил Н. Я. Марр, не соответствует действительному ходу развития языка, является немарксистской теорией. Тем самым внесена ясность и в вопрос о происхождении чувашского народа, и перед исследованиями в этой области открылись широкие научные перспективы.

1

Теория происхождения чувашского народа, принятая в настоящее время большинством советских историков и лингвистов, представляет полную противоположность существовавшим ранее буржуазным концепциям. Согласно последним, чувашский народ рассматривался как осколок некогда якобы существовавшего тюркского мира. Его непосредственными предками, по мнению буржуазных ученых (А. А. Куник, А. А. Шахматов, Н. И. Ашмарин и др.), являлись волжские болгары, народ, пришедший на Волгу из приазовских степей и основавший Волжскую или Камскую Болгарию. Упомянутые ученые исходили из того, что среди современных народов, живущих в пределах территории Волжской Болгарии, один лишь чувашский народ обнаруживает в своем языке древние тюркские черты. Другим аргументом в пользу болгарской теории явились несколько отдельных чувашских слов и имен, обнаруженных на болгарских могильных плитах с арабскими надписями. Никаких иных данных в пользу болгарской теории в распоряжении буржуазной науки не имелось.

Шаткость фактических данных, на основании которых была построена болгарская теория, является совершенно очевидной. В свете известий древних авторов бесспорно, что Волжская Болгария не отличалась от всех других государств древности — была государством отнюдь не национальным, а включавшим в свои границы ряд различных племен.

Волжская Болгария являлась несомненно лишь незначительным шагом вперед по сравнению с государствами Цезаря или Карла Великого, которые И. В. Сталин характеризует как «военно-административные объединения», «конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»². В Волжскую Болгарию входили как местные, так и пришлые племена, в болгарских городах звучала разная речь. Собственно болгары, т. е. население, пришедшее в Волго-Камье из приазовских степей, также отнюдь не составляли единую в этническом отношении группу. На основании, главным образом, археологических, а также исторических данных, в настоящее время устанавливается, что население восточноевропейских степей во второй половине первого тысячелетия н. э. представляло собой весьма сложное в этническом отношении образование. Его основу составляли различные сармато-аланские племена, смешавшиеся с тюркскими элементами, представленными,

¹ И. Сталин. Относительно марксизма в языкознании, Изд. «Правда», М., 1950, стр. 5.

² Там же, стр. 11.

во-первых, в гуьнских ордах IV—V столетий н. э. и, во-вторых, в ордах аварских, проникших в Европу в VI столетии н. э. Такое сочетание сармато-аланских и тюркских элементов выявляется по материалам северокавказских, донских и донецких (салтово-маяцких) городищ и могильников. Такую же точно смешанную сармато-алано-тюркскую материальную культуру принесли болгары Аспаруха на Дунай, где она, судя по материалам раскопок в древних болгарских городах — Плиске и Преславе, сохранялась в течение двух-трех поколений, прежде чем раствориться в местной славянской среде.

Таким образом, вопрос о происхождении чувашского народа болгарской теорией отнюдь не решался. Утверждение, что чувашаи являются болгарами, было равносильно попытке построить уравнение из двух одинаково неизвестных величин.

При характеристике болгарской теории происхождения чувашского народа нельзя, однако, ограничиться указанием на слабость ее фактического основания и теоретическую порочность. Теория эта возникла и получила широкое хождение, прежде всего, как теория националистическая, отвечающая интересам пантюркистов, с одной стороны, и чувашских националистов, с другой. Болгарская теория являлась неотъемлемой частью пантюркистской легенды о древнем тюркском народе, сыгравшем якобы исключительную роль в историческом процессе; это миф о великодержавном государстве болгар — чувашей, господствующих над всеми другими народами Поволжья. Недаром враги советского народа в первые годы после Октября широко пропагандировали эту теорию, пытаясь посеять национальную рознь между тюркоязычными народами и великим русским народом, между чувашским народом и другими народами Поволжья.

2

Известно, что почти все народы Поволжья состоят из двух или большего числа частей. Таковы две основные группы мордовского народа — мокша и эрзя, к которым добавляются тюрюхане, каратаи и шокша. Марийцы сохранили отчетливое деление на горных и луговых. Чувашский народ также состоит из двух основных частей, отличающихся друг от друга по языку и материальной культуре. Речь идет о верховых чувашах — «вирьял», занимающих северо-западную часть Чувашии, и низовых — «анатри», обитающих в юго-западной половине чувашской земли. Третья чувашская группа — «анат-енчи», находящаяся между первой и второй, большинством этнографов рассматривается не как самостоятельная часть чувашского народа, а как результат смешения вирьял и анатри. Надо полагать, что в сложном составе народов Поволжья сохраняются следы древних племен, их изучение может пролить яркий свет на вопросы этногонии. Особенно интересно при этом, что это деление чувашского народа на две части имеет длительную предисторию, восходящую к II тысячелетию до н. э.

Для характеристики древних племен северо-западной Чувашии мы располагаем в настоящее время следующим археологическим материалом.

1. Около Козловки у деревни Баланово был открыт и исследован обширный могильник³, а в Ядринском районе вблизи деревни Атликасы — курган⁴, относящиеся к середине второго тысячелетия до н. э. и принадлежащие к группе археологических памятников, распространенных в Верхнем Поволжье и получивших наименование фатьяновских

³ О. Н. Бадер, Могильник в урочище Карабай близ деревни Баланово в Чувашии, «Советская археология», т. VI, 1940.

⁴ П. Н. Третьяков, Из материалов Средневожской экспедиции, Сообщения Гос. акад. истории материальной культуры, 1931, № 3.

по имени могильника у деревни Фатьяново Ярославской обл. Фатьяновские племена были первыми в Верхнем Поволжье скотоводческими племенами, возможно, знаковыми также и с земледелием. Это были первые в этих местах племена, познакомившиеся с металлом — медью и бронзой. Предположение Т. А. Трофимовой о южном, кавказском происхождении населения, оставившего Балановский могильник⁵, которое еще требует проверки, даже в том случае, если оно окажется справедливым, не меняет существа дела. Культура балановцев — их хозяйство и быт — имели отчетливый северный, лесной характер.

2. В этой же части Чувашской АССР известны многочисленные курганы второй половины второго тысячелетия до н. э., называемые абашевскими по имени с. Абашево Цивильского района Чувашской АССР, где они были впервые исследованы в 1925 г. В. Ф. Смолиным⁶. Как показали исследования последующих лет, абашевские племена обитали не только на территории северных и центральных районов Чувашии, но и далеко за их пределами (в северном, северо-западном и северо-восточном направлении). Абашевские курганы известны на Нижней Оке около Мурома⁷, в бассейне Верхней Оки у с. Огуби⁸ и на берегу Плещеева озера⁹. В виде клада характерные абашевские вещи — бронзовые орудия и украшения из бронзы и серебра были найдены в Приуралье около Верхнего Кизила. Там же известны места древних поселений, принадлежавших, как предполагают, или абашевцам, или близким им по культуре племенам¹⁰.

3. В пределах Чувашской АССР, по берегам Волги и Суры, известно несколько древних поселений первого тысячелетия до н. э., характеризующихся так называемой «сетчатой» или «текстильной» керамикой, такой же, какая известна на многочисленных городищах и селищах в бассейне Оки и Верхней Волги.

4. Около с. Иваново на Нижней Суре¹¹ и вблизи деревни Криуши на берегу Волги в устье р. Аниш¹² были исследованы могильники начала и середины первого тысячелетия н. э., близкие хорошо известным древнемордовским, муромским, марийским и мерянским могильникам того же времени. Вблизи с. Яндашево в низовьях р. Цивиль найдены бронзовые украшения пьяноборского облика¹³, распространенные на рубеже и в начале нашей эры у племен Прикамья и Поволжья.

5. В этих же северных и северо-западных районах Чувашской АССР, принадлежащих чувашам-вирьям, известно несколько десятков городищ середины и второй половины первого тысячелетия н. э.¹⁴ Городища представляют собой миниатюрные укрепления, расположенные обычно на мысах высокого берега. При раскопках на них была найдена глиняная посуда, вылепленная без помощи гончарного круга, грузила от сетей и кости домашнего скота. По общему облику эти городища и сделанные на них находки близко напоминают аналогичные памятники соседней мордовской земли.

6. Наконец, следует указать на многочисленные киве-сава — язы-

⁵ См. Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, «Советская этнография», 1949, № 3.

⁶ В. Ф. Смолин, Абашевский могильник в Чувашской республике, Чебоксары, 1928.

⁷ Раскопки Б. А. Куфтина. Гос. Эрмитаж.

⁸ Раскопки В. И. Гордцова. Гос. Исторический музей.

⁹ Раскопки Я. В. Станкевич и автора настоящей статьи 1939 г. Ярославский обл. музей.

¹⁰ «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», 1941, стр. 131—136.

¹¹ См. П. П. Ефименко, Средневожская экспедиция 1925—1927 гг., Сообщения Гос. академии истории материальной культуры, т. II, 1929.

¹² См. П. Н. Третьяков, Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья, Чебоксары, 1948, стр. 55—56.

¹³ См. там же, стр. 53.

¹⁴ См. там же, стр. 46 и след., 65 и сл.

ческие кладбища XVI—XVIII вв., повсюду известные в земле чувашей-вирьял. Изучение остатков женского костюма, происходящих из киве-сава, выявляет некоторые особенности, сближающие древний костюм вирьял с марийским. Такой деталью костюма является, в частности, подвешенная сзади к головному убору кисть из толстых шерстяных шнуров, унизанных бронзовыми трубочками — пронизками. По сообщению Т. А. Крюковой, один такой чувашский убор имеется в коллекциях Государственного этнографического музея в Ленинграде. Известной параллелью с древними памятниками марийцев являются также и многочисленные чувашские «кереметища» XVI—XVIII вв., как и киве-сава, повсюду известные в земле чувашей-вирьял.

В итоге сделанного выше обзора археологических памятников северо-западной части Чувашской земли можно сделать вывод, что в этой части Чувашии с глубокой древности обитали племена, тесно связанные по своей материальной культуре с соседним, более северным, западным и восточным поволжским населением — населением лесных пространств Среднего и Верхнего Поволжья. Можно утверждать также, что с этим населением генетически связывается та часть чувашского народа, которая называется «вирьял» и которая по сей день сохранила в своем быту многие черты, сходные с культурой соседнего марийского, а отчасти мордовского и удмуртского народов. Дать более определенную картину этногонического процесса в этой части Чувашии при настоящем состоянии источников не представляется возможным. Нам неизвестно, в каком отношении друг к другу стояли племена, оставившие перечисленные выше группы археологических памятников, — составляли ли они непрерывную цепь автохтонного развития или же это были племена разного происхождения, сменявшие друг друга на территории Чувашии. Вероятно также, что далеко не все группы археологических памятников северо-западной Чувашии нами в настоящее время выявлены и изучены. Однако трудно допустить, чтобы будущие открытия смогли поколебать основной вывод — вывод о местном происхождении чувашских племен, входящих в состав чувашей-вирьял, и о том, что их предки были тесно связаны с другими лесными племенами.

3

Археологические памятники южной части Чувашской республики, принадлежащей чувашам-анатри, известны значительно хуже, чем древности в области чувашей-вирьял. Однако и то немногое, чем мы располагаем в настоящее время, позволяет утверждать, что, начиная с отдаленного прошлого, здесь обитало население, заметно отличающееся от описанного выше. Здесь издавна жили племена, связанные с более южными областями, со степным Средним Поволжьем.

В то время, когда во втором тысячелетии до н. э. в северной части чувашской территории обитали абашевские племена, на юге были распространены племена с иной культурой, хорошо известные по исследованиям, произведенным советскими археологами в Куйбышевской и Саратовской областях и получившие наименование хвалынских¹⁵. Два таких хвалынских кургана были исследованы П. П. Ефименко в 1927 г. в с. Байбатырево Ялчикского района на берегу р. Булы. В одном из них оказалось 16 могил, содержащих погребения, сопровождаемые характерной глиняной посудой и другими предметами, в другом — одна могила¹⁶. В отличие от абашевских курганов, хвалынские курганы име-

¹⁵ П. С. Рыков, К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье, «Изв. Краеведческого ин-та при Саратовском ин-те», т. II, 1927.

¹⁶ П. Н. Третьяков, Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья, стр. 40.

ют значительные размеры, расплывчатые очертания и не образуют больших групп. Такие курганы известны в ряде пунктов по Буле, Кубне и другим рекам южной Чувашии. Рядом с курганами на территории южной Чувашии имеются остатки поселений хвалынских племен. Одно из них, находящееся в урочище Ветяхва-сырми около с. Байбатырева, подверглось в 1927 г. небольшим исследованиям, во время которых были найдены обломки глиняной посуды и кости домашних животных: коровы, лошади, овцы и свиньи.

Исследования последних лет, произведенные в различных частях Среднего Поволжья, показали, что хвалынские племена, занимавшие во втором тысячелетии до н. э. огромную область по обеим сторонам Средней и отчасти Нижней Волги, должны рассматриваться в качестве предков двух обширных групп населения, известных в Поволжье в последующее время — в первом тысячелетии до н. э. Одной из них являлись оседлые скотоводческо-земледельческие племена, оставившие хвалынские, саратовские и куйбышевские городища. Их рассматривают обычно в качестве древнейших мордовских, а может быть и бургасских племен. Другую группу составляли савроматские — сарматские племена, кочевое скотоводческое население, возникшее в степном Поволжье на основе местных племен эпохи бронзы в условиях широкого контакта с населением, обитавшим на восток от течения Волги.

Какими путями шел в этот период этногонический процесс на территории южной Чувашии, — пока неизвестно, так как никаких археологических памятников первого тысячелетия до н. э. там не обнаружено. Представляется, однако, бесспорным, что процесс сарматизации близко коснулся населения чувашского Поволжья.

Вопрос этот приобретает особый интерес в связи с тем, что сармато-аланские племена восточноевропейских степей в середине первого тысячелетия н. э., как известно, подверглись тюркизации. Это произошло в результате проникновения в Европу сначала гуннских кочевых орд, затем аваров и др. Большинство из них являлось кочевым населением территории современного Казахстана, родственным европейским сарматским племенам. Они несли с собой, однако, тюркский язык, превращающийся в этот период — период военной демократии, союзов племен и «великого переселения народов» — в господствующий язык кочевнического населения евразийских степей.

Отсюда можно сделать предположение, что тюркизация некоторых племен Волго-Камья — явление очень старое, начавшееся в середине первого тысячелетия н. э. Болгары, появившиеся в Волго-Камье в VII—VIII вв. н. э. и представлявшие собой тюркизованное сармато-аланское население Приазовья, отнюдь не были этнической группой, совершенно чуждой многим местным племенам. Их приход не вызвал, вероятно, принципиальных изменений в ходе этногонического процесса в Волго-Камье, а лишь усилил и завершил то, что началось значительно раньше.

Именно этим, повидимому, объясняется то различие в судьбах болгарских племен — племен завоевателей — в Дунайской и Волжской Болгариях. На Дунае болгары Аспаруха очень скоро растворились и бесследно исчезли вместе со своим языком в местной славянской среде. На Волге, где они, как и на Дунае, составляли, несомненно, меньшинство по сравнению с местным населением, тюркский язык победил. Это произошло, во-первых, потому, что процесс тюркизации уже затронул племена Поволжья, а, во-вторых, потому, что здесь болгары встретились с целым рядом различных племен, тогда как на Дунае они попали в однородную славянскую среду, стоящую на более высокой ступени исторического развития.

Серьезное влияние на развитие культуры и языка всех местных племен оказало возникновение в Волго-Камье ряда крупных торгово-ремесленных городов, связывающих Восточную Европу со странами Средней

Азии. Именно на этом этапе исторической жизни племен Поволжья должен был завершиться как процесс тюркизации, так и процесс консолидации древних племен в более крупные этнические образования.

Интересно при этом отметить, что культура, свойственная Болгарскому царству, была представлена на территории не всей Чувашии, а главным образом в ее южной части — в земле чувашей — анатри. Там, в бассейне р. Булы и Кубни, известны болгарские городища — остатки больших обнесенных высокими валами городов и небольших, но сильно укрепленных замков. Примером городища первого типа может служить огромное болгарское укрепление у деревни Деушевой на Свияге, имеющее в окружности около двух километров. Феодалными замками являлись городище у деревни Большая Тояба на р. Буле, городище около т. Тигишево на р. Большой Буле, Япончино городище в низовьях р. Кубни и др. Вокруг них известны многочисленные сельские поселения болгарской поры. В этих же местах, связывая городища и сельские поселения в единую систему, вдоль рек тянутся на десятки километров мощные земляные валы, такие же, как и в других местах Волжской Болгарии. Они предназначались для защиты владений болгарской знати от вражеских вторжений¹⁷.

В северных районах Чувашской АССР остатки болгарской культуры почти не известны. В настоящее время возможно назвать лишь два пункта — небольшое поселение сельского характера в устье р. Анишь около Козловки, где была найдена характерная болгарская посуда и некоторые другие вещи X—XIII вв.¹⁸, и город Чебоксары, где обнаружены подобные же находки. Никаких городищ болгарского характера и валов на земле чувашей-вирьял не имеется. К этому же времени там относятся городища совсем иного характера, отмеченные выше при перечислении археологических памятников северо-западной Чувашии под пунктом 5.

Отсюда можно сделать вывод, что в болгарское время чувашский народ как единое целое еще не сложился. Древние различия между северным и южным населением были еще достаточно сильны. Несомненно, однако, что болгарское время с его классовым обществом и государственностью, с городской жизнью, торговыми связями и другими своеобразными чертами экономики и быта должно было создать благоприятные условия для культурно-этнического сближения отдельных частей волго-камского населения.

Можно думать, что последующие XIV—XVI столетия явились временем, когда процесс сложения народов Волго-Камья, в том числе чувашского народа, в основных чертах достиг своего завершения. Древние различия при этом не исчезли бесследно; они сохранялись и в языке и в материальной культуре, сохраняются они и в настоящее время. Но они уже давно отошли на второй план, заслонились теми явлениями культуры, которые становились общими для всего чувашского населения. Так исподволь сложились чувашский язык, территория и культурная общность — элементы чувашской нации.

«Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический», — указывает товарищ Сталин. «Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях»¹⁹.

В дальнейшем история чувашского народа протекала в тесном

¹⁷ См. П. Н. Третьяков, Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья, стр. 58—61.

¹⁸ См. там же, стр. 62.

¹⁹ И. В. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 336.

взаимодействии с историей русского народа. Здесь имеется в виду до-революционное время, когда экономическая жизнь чувашского народа, являвшегося одной из угнетенных национальностей царской России, развивалась в рамках общероссийской экономики, чему способствовало местоположение Чувашии на берегах Волги — важнейшей экономической артерии страны. Особенно же здесь имеются в виду годы Великой Октябрьской социалистической революции, когда чувашский народ вместе с великим русским народом поднялся против общего врага, и советское время, когда в результате победы социализма в СССР чувашский народ сложился в социалистическую нацию.

4

Вопрос о происхождении чувашского народа может получить удовлетворительное решение лишь в том случае, если он будет рассматриваться в неразрывной связи с вопросом о происхождении всех других народов Волго-Камья и в первую очередь с вопросом о происхождении татарского народа.

В результате работ советских археологов, этнографов, антропологов и лингвистов в настоящее время установлено, что пути этногенеза казанских татар в основных чертах были теми же, что и пути чувашского этногенеза. Татарский народ сложился в итоге длительного развития местных племен и смешения их с тюркоязычными болгарскими элементами, проникшими в Волго-Камье в последней четверти первого тысячелетия н. э. Известную роль в татарском этногенезе сыграло, несомненно, также и татаро-монгольское завоевание, особенно образование на развалинах Волжской Болгарии Казанского ханства. В этот период в местную среду проникли кипчакские (половецкие) элементы, составлявшие основную массу населения европейской части Золотой Орды²⁰.

Устанавливая значительную общность этногонических судеб чувашского и татарского народов, необходимо ответить и на другой вопрос: как же следует объяснять различия между этими народами, почему в области Волго-Камья на месте Болгарского государства сложился не один тюркоязычный народ, а два — чувашский и татарский? Разрешение этого вопроса далеко выходит за рамки археологических данных и может быть дано преимущественно на основании этнографических и лингвистических материалов. Поэтому мы нисколько не претендуем на решение этого вопроса и останавливаемся на нем лишь потому, что здесь наметилась некоторая тенденция, с которой никак нельзя примириться.

Речь идет о попытках некоторых исследователей превратить болгарское наследство в объект дележа между татарским и чувашским народами, тогда как очевидно, что оно является таким же общим достоянием обоих народов, каким является наследство Киевской Руси для русского, украинского и белорусского народов. Попытки эти имели место, в частности, на научной сессии, посвященной вопросам происхождения татарского народа, состоявшейся в Москве в 1946 г.

Так, А. П. Смирнов, давший на основании археологических данных очень убедительную картину этногенеза татарского народа в указанном выше плане, усматривает разницу между татарами и чувашами в том, что татары — это потомки якобы собственно болгар, тогда как чуваша — потомки болгарского племени суваров²¹. Такой вывод, поддержанный некоторыми другими исследователями, находится, однако, в противоречии с концепцией самого А. П. Смирнова. Противоречие это заклю-

²⁰ Сборн. «Происхождение казанских татар», Казань, 1948.

²¹ См. там же, стр. 148.

чается не только в том, что пришельцы — болгары — снова оказываются здесь главным предком татарского и чувашского народов, что не соответствует фактическим данным, сколько в том, что сами болгары изображаются по сути дела в качестве двух монолитных этнических групп, чего в действительности не было. Как указывалось выше, болгарские племена Приазовья представляли собой в этническом отношении весьма пестрое образование. Предполагать, что в пределах Волжской Болгарии с ее оживленной торговой жизнью существовали болгары и сувары как две различные этнические группы, конечно, не приходится.

Нельзя не остановиться также на попытках некоторых татарских лингвистов рассматривать татарский народ в качестве прямых потомков волжских болгар, а чувашей — лишь как одно из племен, входивших в состав государства Волжской Болгарии. «Казанский татарский язык является прямым продолжением болгарского языка», — говорит А. Б. Булатов. «Нельзя сделать вывод, — здесь же заявляет он, — о чувашах, что они являются прямыми потомками болгар»²². Археологические данные решительно протестуют против представлений такого рода. Мы видели выше, что на территории Чувашии находились болгарские города, мощные земляные валы, тянущиеся на десятки километров, и замки болгарской знати. В южной Чувашии находился центр одного из болгарских княжеств; это отнюдь не была глухая провинция Волжской Болгарии. На территории Татарии также располагались подобные же городские и сельские феодальные центры, где местное население смешивалось с болгарским. В некоторых областях Татарии, как и на севере Чувашии, имеются места, где болгарских городов и феодальных владений не было. Жившее здесь население, несомненно, сохраняло долгое время свои древние специфические черты культуры. Какое же основание ставить чувашский народ в иное отношение к болгарскому наследству, чем народ татарский?

По мнению тюркологов чувашский язык является самым старым среди тюркских языков²³. На этом основании некоторые лингвисты делают заключения о какой-то особой древности чувашского народа. По мнению Р. М. Раимова, чувашаи — это остаток какого-то древнего народа, болгары — потомки чуваша, а татары — потомки болгар. В качестве аргумента в пользу этого фантастического взгляда Р. М. Раимов приводит данные этнографии. Культура, быт и язык чувашского народа послеболгарского периода, по его мнению, стояли якобы на более низкой ступени развития, чем культура, быт и язык Волжской Болгарии²⁴.

Все это, несомненно, глубоко ошибочно и теоретически несостоятельно. Никакого древнего чувашского народа, предшествующего Волжской Болгарии в эпоху первобытно-общинного строя, не было и не могло быть. Нельзя сравнивать культуру чувашской деревни послеболгарского времени с культурой болгарских торговых городов, а также с культурой феодальной болгарской знати и на этом основании делать вывод о том, что чувашаи стояли на более низком культурном уровне, чем болгары. Когда Р. М. Раимов говорит, что чувашаи могли бы рассматриваться в качестве потомков болгар лишь в том случае, если бы «уровень культуры, который был достигнут в Булгарской период, сохранился у чувашского народа», он всецело находится в плену пресловутой теории единого потока и идеализирует болгарское прошлое. То немногое, что нам известно о деревне болгарского времени, свидетельствует о весьма примитивном патриархальном быте, уровень которого был несравненно ниже старинного чувашского быта, который нам позволяет

²² Сборн. «Происхождение казанских татар», Казань, 1948, стр. 142.

²³ См. там же, стр. 117.

²⁴ См. там же, стр. 144.

восстановить археология, этнография и фольклористика. При обсуждении вопроса о происхождении татарского народа совершенно прав был Ш. П. Типеев, когда он говорил следующее: «Булгарское государство являлось культурным государством в прошлом. Я верю в это условно. Да, старый Булгар и новый Булгар-Казань — являлись культурными центрами в Поволжье. Но являлась ли вся Булгария культурным центром?... Мне думается, Булгария не была культурно-цельным образованием. Старый Булгар и новый Булгар (г. Казань), преимущественно с населением из булгарских племен, выделялись как пышно развившиеся торговые центры среди варварских племен, входивших в это государство»²⁵.

Как же возможно объяснить различие между культурой и языком чувашского и татарского народов? Почему в Волго-Камье возникло два тюркоязычных народа, а не один? Наши предположения относительно этого вопроса в самых кратких чертах сводятся к следующему.

В середине первого тысячелетия н. э. в Волго-Камье, на границе лесной и степной зон, обитали различные племена, южная (условно сарматская) группа которых начала подвергаться тюркизации. В болгарское время, когда сюда проникли обитатели степного Приазовья, когда здесь возникли классовое общество и государственность и появились торговые города, связанные с Востоком, процесс тюркизации значительно усилился, захватывая более широкий (уже не только условно сарматский) круг местных племен. В языковом и этническом отношении все волго-камские племена развивались в этот период в общем направлении, в известной мере подобно тому, как в эпоху Киевской Руси развивались в общем направлении все восточнославянские племена.

Местные племена, вошедшие впоследствии в состав татарского народа и обитавшие ниже по Волге, чем предки чуваш, издавна значительно больше, чем последние, были связаны с миром степей. Процесс тюркизации не мог не разворачиваться здесь более энергично. И в то время, когда в среде предков чувашского народа этот процесс не пошел дальше того уровня, какой был достигнут в эпоху Волжской Болгарии, в среде предков татарского народа он продолжался и впоследствии. Еще в эпоху Волжской Болгарии сюда проникали печенежско-огузские и кипчакские (половецкие) элементы. Во время татаро-монгольского завоевания и в период существования в Волго-Камье Казанского ханства приток кипчакских элементов, доминирующих в европейской части Золотой Орды, не мог не продолжаться. В среде предков чувашского народа кипчакские элементы почти не проникали. Их язык развивался на местных и старых тюркских основах. Этим обстоятельством, повидимому, и объясняется, почему в Волго-Камье образовался не один тюркоязычный народ, а два — чувашский и татарский.

²⁵ Там же, стр. 146

Т. А. ТРОФИМОВА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧУВАШЕЙ

Введение

Разработка проблем этногеаза народов нашей страны, как показал ряд исследований советских ученых, только тогда дает плодотворные результаты, когда привлекаются данные различных источников: письменные исторические сведения, данные археологии, этнографии, языкознания и антропологии.

Обычно антропологические материалы при наличии других данных используются в качестве вспомогательного исторического источника, но бывают отдельные конкретные случаи, когда палеоантропологические материалы приобретают решающее значение.

При использовании антропологических материалов как исторического источника, особенно в борьбе с расистскими концепциями этногенеза, одним из основных для советских ученых является положение об отсутствии причинной связи между антропологическим составом населения и его культурой, которая определяется историческим процессом, а не расовыми особенностями населения. Положение о том, что не существует «высших» и «низших» рас, «способных» и «неспособных» к созданию культуры народов, как это пытаются утверждать расисты всех мастей, являются незыблемым не только для советской науки, но и для всей советской общественности. Все народы, независимо от того, к каким они относятся расам, способны к созданию высокой культуры, как это прекрасно доказано практикой социалистического строительства. У нас, в СССР, все народы, в том числе и ранее культурно отсталые, успешно перестраивают свою жизнь по пути создания коммунистического общества.

Необходимо иметь в виду, что, поскольку антропологический состав исследуемой группы обычно является следствием исторических процессов, для этногенетических исследований возможно, а часто и необходимо, идти путем восстановления причины по следствию, привлекать антропологические материалы.

Хотя антропологические типы и изменяются с течением времени, но эта изменчивость не такая значительная, как изменчивость общественных форм и особенностей культуры. Благодаря тому, что направление эпохальной изменчивости постепенно выясняется, для исследователя сохраняется возможность установить морфологическое сходство современного населения с древнейшим населением нашей страны, что и дает основание использовать антропологические материалы в качестве исторического источника.

Для изучения формирования чувашского народа по данным антропологии имеются материалы, полученные на основании исследования современного антропологического состава чувашей, и данные палеоантропологии, относящиеся к различным эпохам жизни людей на территории современной Чувашской АССР и некоторых смежных областей, начиная с эпохи неолита.

1

Чуваши в настоящее время по своему антропологическому составу — народ сильно смешанный, состоящий из различных европеоидных и монголоидных типов и их смешанных форм. По данным экспедиции Института антропологии Московского университета, проведенной под руководством П. И. Зенкевича в 1936 г. при моем участии в Моргаушском, Аликовском, Калининском и Красноармейском районах (по современному районированию), чувашаи характеризуются ростом ниже среднего, обладают удлиненной формой головы (головной указатель 79,3), среднешироким (140,1 мм), но удлиненным лицом (128,4), преобладанием темных волос и темных и смешанных оттенков глаз.

Ослабленный рост бороды, развитая складка верхнего века, встречающийся эпикантус, уплощенное лицо, пониженное переносье — указывают на монголоидную примесь и позволяют характеризовать исследованных нами чувашей по их антропологическим признакам как промежуточную группу между европеоидами и монголоидами. От татар Татарской АССР чувашаи отличаются главным образом более удлиненной формой головы и более низким ростом, более высоким лицом и более узким носом, при этом со значительно чаще встречающейся у них вогнутой спинкой носа; последние два признака сближают их с мари. По общей суммарной характеристике, по преобладающему антропологическому типу чувашаи могут быть отнесены к «средневожскому» или «субуральскому» типу (Бунак), представляющему собой, по всей вероятности, результат древнего смешения европеоидных типов с каким-то длинноголовым монголоидным компонентом (уральским)¹.

Проведенное мной во время работ экспедиции при обследовании чувашского населения визуальное определение антропологических типов позволило констатировать, что среди обследованных 63,5% могли быть отнесены к субуральскому типу, причем почти в половине случаев из этого числа отмечены более или менее выраженные европеоидные черты. Около 21,1% составляли представители различных европеоидных типов как темноокрашенных, так и русоволосых и светлоглазых. Первые из них преобладали. Всего 5,1% обследованных можно было отнести к сублапоноидному типу, отличающемуся относительно низким лицом и широким носом, при ослабленной выраженности монголоидных признаков. Этот компонент у татар встречается значительно чаще. Наконец, 10,3% наблюдений было отнесено к монголоидным типам и их смешанным с европеоидными формами. Только 1/3 из этого состава, т. е. около 3,5% на всю группу обследованных, могла быть отнесена к относительно «чистым» монголоидным формам. Повидимому, среди этих монголоидных типов основным монголоидным компонентом должен быть отмечен длинноголовый тип с высоким и широким лицом, который в наиболее яркой форме выявлен среди прибайкальских эвенков (Рогинский) и некоторых других народов Северной Азии.

Имеющиеся антропологические данные позволяют утверждать, что рядом антропологических типов чувашаи связываются с населением Марийской, Татарской, Удмуртской и Мордовской АССР, а также частично с соседним русским населением².

¹ Возможно, этот компонент был близок к тому, который в настоящее время отчетливо выступает среди манси, хантов, западносибирских татар, башкир, а дальше на восток на Алтае — среди шорцев. Длинноголовый же резко выраженный монголоидный тип с крупными размерами лица, сильно развитым эпикантусом, слабым ростом бороды, встречающийся среди прибайкальских эвенков и некоторых других народов Северной Азии, получил название байкальского или палеосибирского и должен рассматриваться в качестве особого варианта.

² Необходимо при этом отметить, что как состав антропологических типов, так и концентрация их различны у разных соседних народов и, в частности, среди обследованных чувашей.

Антропологическое изучение современного чувашского населения должно быть продолжено; в особенности необходимо поставить работы в юго-восточных районах Чувашской АССР, в местностях, в прошлом относившихся к территории б. Булгарского государства. Дальнейшие исследования могут внести уточнения в намеченную антропологическую характеристику чувашского народа.

Рис. 1. Женщина культуры ямочно-гребенчатого неолита лапоноидного типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из погребений в Каравайхе (Вологодская область)

2

Переходим к рассмотрению палеоантропологических материалов, которые, взятые в самой тесной связи с данными археологии, несмотря на ряд пробелов, могут пролить свет на историю формирования племен, вошедших с течением времени в состав чувашского народа.

По дошедшим до нас немногочисленным костным остаткам человека, жившего в эпоху неолита и в более позднее время на территории Среднего Поволжья, можно судить о неоднородности антропологического состава этого населения,

относящегося к племенам охотников и рыболовов. Так, на территории Среднего Поволжья для этой эпохи с большой вероятностью могут быть установлены отчетливо различающиеся между собой три антропологических типа: а) европеоидный, 2) лапоноидный и 3) третий тип, сочетающий в строении лица такие особенности как резкий прогнатизм и широконосость; эти черты в строении лицевого скелета морфологически напоминают малайские или негроидные формы³.

К первому, европеоидному, типу относятся два черепа из Володарской неолитической стоянки Горьковской области. Оба черепа небольших размеров. Один череп хорошей сохранности характеризуется высоким лицом, сильно выступающим носом и некоторыми своеобразными особенностями строения лицевого скелета и отличается от хорошо

дованных мной же татар ТАССР. (См. Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.—Л., 1949).

³ Конституция определенное морфологическое сходство, из-за отсутствия фактических данных пока приходится воздержаться от установления места и времени происхождения этих антропологических типов.

известного населения европеоидного типа с территории Восточной Европы⁴ позднейших эпох. Черепа лапоноидного типа известны в погребениях неолитической стоянки возле Каравайхи Вологодской области; близкие формы отмечены также в неолитической стоянке Южного Оленьего острова на Онежском озере, в более поздней Языковской стоянке Калининской области; наконец, к значительно более позднему времени — концу II — началу I тысячелетия — относятся черепа из раскопок в Среднем Поволжье (рис. 1). Так, к лапоноидному типу относятся: один череп из раскопок Высоцкого 1870 г. близ с. Ново-Мордово б. Спасского уезда Казанской губ. и два черепа из раскопок Штукенберга 1901 г. из урочища Пустая Морквашка близ с. Моркваши б. Свияжского уезда. Г. Ф. Дебеч относит эти погребения к волжско-камскому энеолиту и считает их, по всей вероятности, более или менее синхроничными Карташихинской стоянке. Но в настоящее время есть основания датировать эти погребения более поздним временем. Так, погребения у Ново-Мордово следует относить к концу II тысячелетия, а у с. Моркваши — к началу I тысячелетия до н. э. На основании короткоголовости в сочетании с малыми абсолютными размерами их Г. Ф. Дебеч считает возможным отнести эти черепа к лапоноидным формам⁵. Широкое распространение лапоноидных форм в неолите на территории Восточной Европы дает основание рассматривать черепа людей лапоноидного типа из Среднего Поволжья как потомков местного неолитического населения.

Рис. 2. Женщина балахнинской неолитической культуры с некоторыми „малайскими“ или „негроидными“ чертами в типе лица. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из погребений в Гавриловской стоянке (Горьковская область)

Третий тип представлен пятью фрагментными черепами из Гавриловской стоянки балахнинской культуры, раскопанной И. Цветковой в Дзержинском районе Горьковской области. Люди этого антропологического типа характеризовались небольшими размерами головы, удлинённой формой лица, прогнатизмом, широким носом, выпуклым нависающим лбом. М. М. Герасимов, сделавший реконструкцию лица женщины по черепу из этой стоянки, пишет в своей книге: «Я затруднен в этнической диагностике этого нового неолитического типа; несомненно, что в данном лице наличествует некоторый элемент малайских черт...»⁶ (рис. 2).

3

В середине II тысячелетия до н. э. в эпоху бронзы на правобережье Волги — территории современной Чувашской республики — появляются

⁴ Черепа из раскопок И. К. Цветковой Володарской неолитической стоянки в Горьковской области.

⁵ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948, стр. 83.

⁶ М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу, М., 1949, стр. 91.

племена скотоводов-кочевников. Население этой эпохи, относящееся к племенам фатьяновской культуры, известно нам по погребениям из Балановского могильника, находящегося в Козловском районе Чувашской АССР.

Вопрос о происхождении фатьяновской культуры до сих пор является предметом дискуссий. Если в зарубежной литературе в связи с развитием «нордийской расовой теории» делались настойчивые попытки вывести фатьяновскую культуру из Прибалтики (Тальгрэн, Коссина

и др.) и рассмотреть носителей ее как «арийцев», то у нас, в советской литературе, преобладала точка зрения восточноевропейского происхождения фатьяновской культуры (Готье, Бадер, Кривцова-Гракова и др.), хотя вопрос о развитии последней на базе местных неолитических охотничье-рыболовецких культур большинством исследователей решался отрицательно. Русские исследователи Спицын и Городцов связывали происхождение этой культуры с Северным Кавказом.

Из Балановского могильника был получен благодаря раскопкам Бадера и Акимовой значительный костный материал хорошей сохранности. В результате изучения черепов из Балановского могильника М. С. Акимова пришла к выводу, что длинноголовый европеоидный антропологический тип относительно узко- и высоколицый из Балановского

Рис. 3. Мужчина балановской (фатьяновской) культуры восточно-средиземноморского типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из погребений в Балановском могильнике (ЧАССР)

могильника, так же как и антропологический тип из могильников фатьяновской культуры Волго-Окского бассейна, «резко отличается от типа, бытовавшего на этой территории в неолитическую эпоху»⁷. Она указывает, что «это положение говорит против теории местного происхождения фатьяновской культуры на основе ямочно-гребенчатого неолита»⁸. Наибольшее сходство антропологического типа людей, погребенных в Балановском могильнике, Акимова видит «с носителями культуры ленточной керамики Средней Европы и мегалитиче-

⁷ М. С. Акимова, Антропологический тип населения фатьяновской культуры, Труды Института этнографии, т. I, М.—Л., 1947, стр. 282.

⁸ Там же.

данным Акимовой, наличие на двух-трех черепах из Балановского могильника некоторой примеси лапоноидных черт.

Выводы о связи балановцев с Закавказьем подтверждаются также и некоторыми археологическими данными, на рассмотрении которых я не имею возможности останавливаться в этой работе. Они были мной рассмотрены в цитированной выше моей статье и еще, несомненно, нуждаются в пополнении¹⁴.

Племена абашевской культуры были неоднородны по своему антропологическому составу, как это показали исследования Г. Ф. Дебеца¹⁵, анализ палеоантропологических материалов и реконструкция М. М. Герасимова¹⁶ (рис. 4). Так, два мужских черепа из Алгашинского могильника и из кургана № 9 Абашевского могильника характеризуются длинноголовым европеоидным типом, массивным, относительно широколицым, несущим на себе черты пережиточно кроманьонского типа; женский же череп из кургана в Катергино-Бишево отличается прогнатизмом, слабо выступающим и очень широким носом, напоминающим по этим признакам негроидные или малайские формы и сходен с женским неолитическим черепом из Гавриловской стоянки.

В формировании абашевской культуры, представлявшей собой поздний этап эпохи бронзы конца II — начала I тысячелетия до н. э. на территории современной Чувашской АССР, как это показал ряд исследователей (Бадер, Кривцова-Гракова, Герасимов и др.), позидимому, приняли участие более древние местные племена и племена балановской культуры; имеются также следы связей с более южными степными племенами срубно-хвалынской и андроновской культур. По антропологическим материалам, связь абашевской культуры с более южными степными скотоводческими культурами может быть подтверждена, так как европеоидный широколицый тип, представленный в погребениях абашевской культуры, хорошо известен как по погребениям хвалынской культуры на территории Чувашии (Байбатырево), так и в более южных погребениях собственно срубной культуры и среди племен андроновской культуры. Может

быть прослежена также связь населения племен абашевской культуры с неолитическим населением балахнинской культуры. Я имею в виду сходство строения женских черепов из Катергино-Бишево и Гаврилов-

Рис. 4. Мужчина абашевской культуры европеоидного широколицего типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из Алгашинского могильника (ЧАССР)

¹⁴ См. также статью О. Н. Бадера «К вопросу о балановской культуре», Советская Этнография, № 1, 1950, стр. 58—81. Примечание сделано в корректуре.

¹⁵ Г. Ф. Дебец, Указ. раб., стр. 83—86

¹⁶ М. М. Герасимов, Указ. раб., стр. 98—101.

ской стоянки (Герасимов). Связь европеоидного типа населения абашевской культуры с балановцами пока недостаточно доказана. Таким образом, начиная с неолита и кончая концом эпохи бронзы, среди племен правобережья Волги, в пределах области современной Чувашской АССР и смежных районов обитало население различных антропологических типов. Можно думать, что, смешиваясь, эти компоненты вошли позднее в состав сложившегося чувашского народа.

В палеоантропологических материалах с территории Чувашской АССР после данных по абашевской культуре следует перерыв более двух тысяч лет — до XII—XIII вв. нашей эры.

4

Коротко остановлюсь на палеоантропологических материалах, характеризующих население племен левобережья Волги и Волго-Камья в конце II и начале I тысячелетия до н. э., конца эпохи бронзы и времени начала появления железа.

Череп срубно-хвалынской культуры из погребений в Полянках и Маклашеевке III¹⁷ с левобережья Волги у Камского устья характеризуются длинноголовым, относительно широколицым европеоидным типом с некоторой примесью лапоноидных черт на отдельных черепках (Дебец, Трофимова)¹⁸. Позднее на этой же территории в эпоху появления железа (Маклашеевка II) население состоит из двух отчетливо различающихся антропологических типов: длинноголового европеоидного, встречающегося среди населения племен срубно-хвалынской культуры, и более короткоголового с нерезко выраженными монголоидными признаками, возможно, связанного с древним местным неолитическим населением¹⁹.

Рис. 5. Мужчина ананьинской культуры монголоидного типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из Луговского могильника (ТАССР)

¹⁷ А. В. Збруева, Маклашеевские могильники. «Краткие сообщения ИИМК», т. XXIII, М.—Л., 1948, стр. 22—30.

¹⁸ Г. Ф. Дебец, Указ. раб., стр. 85—86; Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, М., 1949, стр. 128—134.

¹⁹ Г. Ф. Дебец, Указ. раб., стр. 151—153; Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, стр. 128—134.

В более поздних погребениях ананьинской культуры из Луговского могильника в Прикамье преобладает ярко выраженный монголоидный тип, относительно низко- и широколицый, с незначительной примесью европейских форм»²⁰ (рис. 5). Последние, повидимому, принадлежали населению, родственному европейскому населению срубно-хвалынской культуры.

Вопрос о том, является ли население монголоидного типа племен ананьинской культуры прямыми потомками местного древнего неолитического населения или оно может быть связано с позднейшими переселенцами из Западной Сибири,— пока не ясен. Палеоантропологических материалов, относящихся к этой эпохе, с территории Чувашской республики нет.

5

Переходим к палеоантропологическим материалам с территории Чувашской АССР, относящимся к XII—XIII вв. н. э. Палеоантропологические материалы, относящиеся к этой эпохе, пока не опубликованы. По предварительным данным М. С. Акимовой, черепа из могильника Сють-Сирьми (Большая Тояба) характеризуются небольшими абсолютными размерами, короткоголовостью, очень низким и узким лицом и часто слабо выступающим носом. Их можно считать принадлежащими к потомкам местных лапоноидных неолитических форм.

Для характеристики антропологического состава населения болгарской эпохи необходимо значительное количество палеоантропологического материала, чтобы выявить те антропологические компоненты, которые могли быть занесены на территорию Чувашской АССР в результате оседания здесь гунно-булгарских племен.

Булгарская эпоха благодаря ряду раскопок, произведенных частью еще в 70-х гг. прошлого столетия и в особенности А. П. Смирновым в последние годы, значительно лучше освещена палеоантропологическими материалами на левобережье Волги. Палеоантропологические материалы, относящиеся частично к болгарской дозолотоордынской эпохе и более поздней — золотоордынской, разработаны в прошлом А. П. Богдановым, в советское время — Г. Ф. Дебецом и мной.

Палеоантропологические материалы дают основание для установления в составе болгарского населения из погребений на левобережье Волги, в Суваре и Булгарах нескольких краниологических типов: двух европеоидных и трех монголоидных²¹.

Длинноголовый европеоидный тип, установленный в составе болгарского населения, может быть связан с местным степным населением, в состав которого он входил еще в срубно-хвалынскую эпоху; можно также предположить и вторичное его напластование в Среднем Поволжье в связи с оседанием там кочевников из состава болгарского племенного объединения²². Короткоголовый европеоидный тип известен в сарматскую эпоху в Нижнем Поволжье и там же в составе населения эпохи Золотой Орды. Проникновение его на территорию Среднего Поволжья возможно было с булгарами или позднее с золотоордынскими татарами.

²⁰ Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, стр. 134—136.

²¹ Там же, стр. 138—143.

²² Об этом позволяет говорить широкое распространение в настоящее время среди татарского населения Татарской АССР подлинноголового темнопигментированного с выпуклым носом антропологического типа, имеющего специфические черты сходства с антропологическими типами Северного Кавказа (например, с черкесами и др.).

Из трех монголоидных типов два могут быть связаны с местным средневожским населением: первый, — короткоголовый, среднешироколицый и широконосый — может относиться к потомкам монголоидов Прикамья, известных здесь в эпоху ананьинской культуры; место формирования второго — подлинноголового, узколицего и относительно высоколицевого монголоидного типа — недостаточно выяснено, но, повидимому, он имеет местное происхождение (Дебеч)²³. Для более поздней эпохи XVII—XVIII вв. этот тип был констатирован Г. Ф. Дебечом на черепах из погребений старого чувашского могильника, находившегося возле деревни Базарные Матаки б. Спасского уезда Казанской губ.²⁴

Третий монголоидный тип, короткоголовый с крупными размерами высоты и ширины лица, может быть связан с кочевническим населением степи — предположительно кипчаками.

С территории Чувашской АССР имеется палеоантропологический материал из раскопок М. С. Акимовой могильника XVII—XVIII вв. под названием Тубах-Мазар Козловского района. Палеоантропологические материалы из этого могильника еще не опубликованы. Над ними в настоящее время работает М. С. Акимова.

Краниологический тип, установленный на черепах из чувашского могильника XVII—XVIII вв. возле деревни Базарные Матаки на левобережье Волги и известный также по раскопкам в Бабьем бугре в Булгарах, о котором мы уже говорили выше, часто встречается среди современного населения Чувашии и известен в антропологической литературе под названием средневожского, или субуральского.

6

На основании имеющегося палеоантропологического и антропологического материала, рассмотренного в связи с данными археологии и истории, можно заключить, что формирование чувашского народа произошло на основе местного аборигенного населения, состоявшего из различных европеоидных и древних лапоноидных компонентов и их смешанных форм, известного на территории Среднего Поволжья со времени неолита и эпохи бронзы. Эпоха и место формирования средневожского (субуральского) типа еще не ясны, но можно думать, что формирование этого компонента среди населения Среднего Поволжья происходило, еще начиная с эпохи неолита, так как этот компонент широко представлен не только среди чуваш, но и среди мари, а также был установлен на черепах из рязанских могильников VII—XI вв. и среди вятических черепов XI—XIII вв. (Трофимова, Дебеч). Этот факт не может быть объяснен только поздними связями этих народов.

Пограничное положение территории современной Чувашской республики между лесом и степью, расположенной по течению крупной водной магистрали — Волги, между устьями Оки и Камы, приводило к тому, что еще во II тысячелетии здесь, на окраине степи, оседали отдельные волны кочевников, происходившие как из отдаленных степных или горно-степных районов Кавказа (Баланово, фатьяновская культура), так и из ближайших поволжских степей (абашевская и хвалынская культуры).

²³ Г. Ф. Дебеч, Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии, Антропологический журн. М., 1932, № 1, стр. 57—58.

²⁴ Необходимо, однако, отметить, что этот антропологический тип первоначально был установлен на черепах из так называемого «Бабьего бугра», той части этого могильника, которая по всей вероятности являлась братской могилой золотоордынской эпохи (А. П. Смирнов), но в других погребениях болгарской эпохи, а также среди современного татарского населения он не прослеживается. См. также Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, стр. 262—263.

Оседание на территории современной Чувашской республики более поздних кочевников — гунно-булгар, прослеженное на археологическом материале, не освещается антропологическими материалами из-за их отсутствия. Однако весьма вероятно, что длинноголовый монголоидный тип с высоким и широким лицом, устанавливаемый в некотором количестве в составе современного чувашского населения, мог быть занесен на территорию Чувашской АССР осевшими там кочевниками из состава гунно-булгарских племен. Вероятность такого предположения подтверждается тем, что черепа гуннов из Суджинского могильника в Ильмовой пади в Забайкалье²⁵, а также из раскопок гунно-аварских погребений в Венгрии, по данным Бартуца²⁶, характеризуются как раз таким же длинноголовым монголоидным типом. Среди современных народов Северной Азии этот тип, как мы уже указывали, в наиболее яркой форме представлен среди прибайкальских эвенков (Рогинский) и некоторых других народов. Иначе трудно объяснить у чувашей в настоящее время присутствие ярко выраженного длинноголового монголоидного типа с большими высотными и широтными размерами лица. Можно предполагать, что его участие в формировании антропологического состава чувашского населения подтвердится на палеоантропологическом материале. Смешение этого типа с европеоидными, по всей вероятности, образует формы, также сходные с субуральским типом.

Необходимо также отметить, что на левобережье Волги как среди современного татарского населения, так и на палеоантропологическом материале из хорошо датированных погребений в раскопках в Суваре и Булгарах в дозолотоордынскую эпоху этот тип установлен не был²⁷.

Таким образом, в состав позднее формировавшейся чувашской народности, начиная с неолита, вошли следующие основные антропологические типы: 1) лапонидный (энеолит); 2) европеоидный восточно-средиземноморский (фатьяновская культура, Балановский могильник); 3) европеоидный относительно широколицый тип (абашевская и хвалынская культуры); 4) широконосый и прогнатный тип с «негроидными» особенностями (абашевская культура, Катергино-Бишево, а раньше в неолите на смежной территории Горьковской области — Гавриловская стоянка); 5) монголоидный длинноголовый тип с относительно узким лицом (уральский), который был, вероятно, распространен в составе племен Среднего Поволжья в древности, начиная с эпохи неолита, и вошел в состав марийского народа, возможно, также летописной муромы²⁸ и вятичей, а также и некоторых других групп Среднего Поволжья и Приуралья.

Палеоантропологически в Среднем Поволжье этот тип хорошо прослежен пока только на материалах из поздних чувашских и марийских могильников.

Нужно допустить также и вторичное включение в состав чувашского народа длинноголового монголоидного типа в другом его варианте — «палеосибирском». Время и этническая группа, занесшая на территорию

²⁵ Ю. Д. Талько-Гринцевич, Суджинское доисторическое кладбище, М., 1899.

²⁶ L. Bartucz. Ober die Anthropologische Ergebnisse der Ausgrabung von Mesonszentjános, Skythika, 2, Prague, 1929; L. Bartucz, Die Anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Jutas und Oskü, Skythika 4, Prague, 1931; L. Bartucz, Die Geschichte der Rassen in Ungarn und das Werden des heutigen ungarischen Volkskörpers, Ungarische Jahrbücher, Bd. XIX, H. 2—3, 1939

²⁷ Раскопки А. П. Смирнова в Суваре и Булгарах.

²⁸ Черепа плохой сохранности, один — из Борковского финского могильника (окрестности Рязани, 1-я половина I тысячелетия н. э.) и два черепа из Подболотьевского Рязанской обл. (б. Муромский уезд, VII—XI вв.) могут быть отнесены к длинноголовому типу со слабо выраженными монголоидными признаками — уральскому.

Чувашской АССР этот тип, не установлены, но можно предположить его появление здесь в составе гунно-булгарских племен.

И, наконец, в состав чувашского народа вошли смешанные формы, потомки местного лапоноидного неолитического населения и различных европеоидных и монголоидных компонентов, в разное время бывших в составе племен, позднее включившихся в формирование чувашской народности.

Среди этих смешанных антропологических компонентов образовались новые, особые антропологические типы, в частности, и широкораспространенный в настоящее время среди чувашского народа средневожский, или субуральский, тип (результат смешения уральского с европеоидными типами). Сложный антропологический состав чувашского народа, в котором до настоящего времени еще отчетливо устанавливаются различные антропологические компоненты, свидетельствует о сложности его этнического формирования.

Несмотря на неполноту палеоантропологического и археологического материала, по имеющимся данным уже можно сказать, что первоначально чувашская народность (в предбулгарский и булгарский период), а позднее чувашская нация, как и все другие нации, сложилась «из людей различных рас и племен» (С т а л и н).

Настоящая статья может рассматриваться лишь как введение к изучению этногенеза чуваш в свете данных антропологии. Необходимо накопление новых палеоантропологических материалов и дополнительное антропологическое обследование чувашского населения из южных районов. В особенности большой интерес представляют: а) палеоантропологические материалы из фатьяновских могильников типа погребений у Атли-Касы; б) продолжение изучения погребений племен абашевской культуры; в) изучение палеоантропологического материала, относящегося ко времени от конца I тысячелетия до н. э. до конца I тысячелетия н. э.; среди этого материала безусловный интерес представляют могильники ранней булгарской эпохи.

Н. И. ВОРОБЬЕВ

ЭТНОГЕНЕЗ ЧУВАШСКОГО НАРОДА ПО ДАННЫМ ЭТНОГРАФИИ

Среди ряда народностей, живущих на территории Среднего Поволжья, в большинстве принадлежащих к финноугорской языковой группе, два народа — поволжские татары и чуваши — являются тюркоязычными. Вопрос об их происхождении был объектом многочисленных теоретических построений и догадок. Особенное внимание привлекали поволжские татары, сыгравшие значительную роль в истории края, но не мало занимались и чувашами.

Литература о чувашах состоит из многих сотен названий. Это главным образом мелкие статьи, посвященные описанию отдельных сторон быта народа в разных местах его обитания, но имеются и крупные труды, излагающие преимущественно личные наблюдения авторов. К таковым относятся вышедшие еще до революции работы: Миллера¹, Лепехина², Фукс³, Сбоева⁴, Магницкого⁵, Золотницкого⁶, Ашмарина⁷, Никольского⁸, Комиссарова⁹, Прокопьева¹⁰ и др. Уделялось внимание чувашам в дореволюционных работах и чисто сводного характера, как: Георги¹¹, Риттиха¹², Лаптева¹³, Спасского¹⁴ и др. Вышел ряд работ и в советский период. Из них отметим работы: В. В. Егерев¹⁵, Н. В. Никольского¹⁶, Т. А. Акимовой¹⁷.

¹ Гер. Миллер, Описание живущих в Казанской губернии языческих народов..., СПб., 1791.

² Ив. Лепехин, Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, СПб., 1771—1805.

³ А. А. Фукс, Записки о чувашах и черемисах, Казань, 1840.

⁴ В. А. Сбоев, Исследования об инородцах Казанской губ., Казань, 1856.

⁵ В. К. Магницкий, Материалы к объяснению старой чувашской веры, Казань, 1881.

⁶ Золотницкий, Корневой чувашско-русский словарь.

⁷ Н. И. Ашмарин, Болгары и чуваш, Казань, 1902.

⁸ Н. В. Никольский, Краткий конспект по этнографии чуваш, Казань, 1911.

⁹ Г. И. Комиссаров, Чуваш, Казанского Заволжья, «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (в дальнейшем цит. ИОАИЭ.). т. XXVII, вып. 5, Казань, 1911.

¹⁰ П. Прокопьев, Брак у чуваш, Казань, 1903; его же, Похороны и поминки у чуваш, ИОАИЭ. т. XIX, вып. 1.

¹¹ И. Г. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов..., СПб., 1799.

¹² А. Ф. Риттих, Материалы для этнографии России. Казанская губерния, Казань, 1870.

¹³ М. Лаптев, Казанская губерния. Материалы для геогр. и статист. России, СПб., 1861.

¹⁴ А. Н. Спасский, Очерки по родноведению. Казанская губ., Казань, 1913.

¹⁵ В. В. Егерев, Самобытное расселение народностей Казанского края. Вестник Научного об-ва татароведения, Казань, 1928, № 8.

¹⁶ Н. В. Никольский, Краткий курс по этнографии чуваш, вып. 1, Чебоксары, 1929.

¹⁷ Т. А. Акимова. Эволюция женского костюма у саратовских чуваш. Труды Нижне-Волжского обл. об-ва краеведения, вып. 35, ч. 5, Саратов, 1928.

Авторы XVIII и начала XIX в., особенно иностранцы, интересовались бытом нерусских народностей края как своеобразной экзотикой, достойной удивления «просвещенных европейцев». Однако факты ими нередко приводились весьма ценные. В литературе же второй половины XIX и начала XX в. господствовало великодержавно-миссионерское направление, а позднее — националистическое. Идея христианизации и руссификации нерусских народов края являлась ведущей. Правда, многие авторы дали ценные фактические материалы по быту народности, которые могут быть использованы для выяснения истории этого быта, но освещение давалось крайне тенденциозное.

Идея равенства всех народов, стремление помочь чувашам поднять их экономику и культуру заложены в некоторых работах, вышедших в течение первого десятилетия после Октябрьской революции, но их слишком мало, и они тонут среди работ националистических или таких, где национализмом подкрашены те же миссионерско-великодержавные тенденции. Позднее по быту чувашей работ почти не издавалось.

Вопросы этногенеза чувашей ставили Георги, Фукс, Сбоев, Ашмарин и некоторые другие исследователи, но все они допускали в своих построениях ряд ошибок. Прежде всего, по традиции буржуазной исторической науки, они стремились отыскать прямых предков чувашей в лице какой-то конкретной народности, совершенно не учитывая того, что каждый народ формировался в результате длительного исторического процесса и культура его создавалась путем сближения и переработки культурных форм различного происхождения. Далее, они считали, что чувашаи пришли на место своего современного обитания со стороны и в уже окончательно сформировавшемся виде. Родину всего народа, а не только составных его элементов, искали на Северном Кавказе, в Передней Азии, в степном Заволжье. При этом, если о кавказской и переднеазиатской родине чувашей говорили на основании преимущественно языковых данных, то на степное Заволжье указывали как на место, где и сейчас живут якобы остатки этих древних чувашей, хотя исторически точно известно, что в эту часть Заволжья чувашаи переселились в XVII—XVIII вв., когда царское правительство закрепляло эти земли за собой и населяло их русскими и другими народами Поволжья (татарами, чувашами, марийцами, удмуртами и т. п.). Наконец, существенной ошибкой было и то, что этногенез народа пытались решать на основании одного какого-либо элемента культуры, чаще всего — данных языка. На основе лингвистических материалов строили свои теории происхождения чувашей А. Фукс, считавшая чувашей потомками хазар, В. А. Сбоев, искавший их предков среди буртас, Н. И. Ашмарин — один из основателей болгарской теории происхождения чувашей. При этом только Н. И. Ашмарин дал серьезные доказательства близости языка чувашей к языку древних болгар, остальные же опирались на случайные домыслы и догадки. Все указанные авторы не учитывали других элементов культуры народа, что, несомненно, вызывало целый ряд серьезных противоречий между их построениями и реальной действительностью. И. Г. Георги, в отличие от лингвистов, подошел к вопросу происхождения чувашей со стороны их быта, но только одного его. Поэтому, видя, что в быту чувашей, особенно верхних, имеется много общего с соседними финноязычными народностями, он считал и чувашей народностью финноугорской, не обращая внимания на данные языка.

Естественно, что такой односторонний подход к вопросу о происхождении народа не мог привести к правильному его решению. И. В. Сталин в своем классическом труде «Марксизм и национальный вопрос» четко и ясно формулирует, что «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, прояв-

ляющегося в общности культуры». Далее он подчеркивает, что «Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию»¹⁸. Отсюда ясно, что вопрос о происхождении народа надо решать комплексно, привлекая различные материалы, среди которых не последнее место должны занимать и данные по быту.

Однако если лингвисты занимались и занимаются изучением происхождения чувашского языка, то этнографы в большинстве случаев давали только простое описание быта и не проводили анализа его происхождения. Например, весьма важный вопрос о разделении чувашей на группы, имеющие некоторые бытовые отличия, изложен сколько-нибудь удовлетворительно только у Г. И. Комиссарова, тогда как в работах Н. В. Никольского, обобщающих значительный материал по быту народности, и даже в вышедшем в 1929 г. «Кратком курсе по этнографии чуваш» об этом разделении чувашей не сказано ничего, кроме мелких замечаний о том, что те или иные факты имеются у вирьял¹⁹ или анатри²⁰.

Ввиду этого этнографу весьма трудно ответить на вопросы о происхождении тех или иных бытовых форм у чувашей. Хотя сложность их быта бросается в глаза даже при поверхностном обзоре, но все элементы его за длительный период так тесно между собой переплелись и нередко так затушевались, что анализ их происхождения представляет огромные трудности. Для этого прежде всего необходимо весьма тщательно изучить все уже собранные материалы, отбросить неправильное толкование происхождения некоторых форм там, где оно было, а главное собрать новые материалы, пользуясь современной методологией и методикой этнографических исследований. Все это быстро сделать невозможно, и в настоящей статье мы отнюдь не претендуем на абсолютную правильность всех наших выводов — многое, возможно, придется пересмотреть после более глубокого изучения быта народа, но все же основные контуры происхождения чувашского быта уже наметились и могут сыграть некоторую роль в решении сложного вопроса об этногенезе чувашского народа.

Анализ быта чувашей, как и археологические материалы, дают право говорить о том, что чувашаи не пришли на место своего современного обитания как уже сформировавшийся народ, что они не имели каких-то единых предков. Имеется достаточно данных говорить совершенно определенно, что чувашский народ, как и все другие народы края, формировался здесь на месте из различных как местных, так и пришлых компонентов, которые, тесно сближаясь между собой, претерпевая сложные изменения в процессе развития народа, и дали современную культуру чувашей.

Можно с достаточной уверенностью говорить, что в основе быта чувашей, прежде всего, лежат чисто местные корни — культура издавна обитавших в крае племен, а также не менее древние бытовые формы пришельцев из южных степных пространств. На эти древние корни позднее наслоились влияния восточнофинские (марийские и мордовские) и тюркские (от татар Поволжья). Не малое значение имело также влияние сначала славянских племен, а затем русского народа.

Археологические данные, изложенные в вышедших в 1948 г. сводных работах П. Н. Третьякова²¹ и А. П. Смирнова²², показывают, что территория современной Чувашской АССР была населена с самых отдаленных времен, когда человек находился еще на средней ступени

¹⁸ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 296—297.

¹⁹ Верховые чувашаи.

²⁰ Низовые чувашаи.

²¹ П. Н. Третьяков, Памятники древней истории Чувашского Поволжья, Чебоксары, 1948.

²² А. П. Смирнов, Древняя история чувашского народа, Чебоксары, 1948.

дикости. С этого времени здесь живут племена, тесно связанные в культурном отношении с населением соседних местностей. Наибольший интерес представляют первобытные племена эпохи бронзы, носители так называемой абашевской культуры, центр распространения которой находился на территории современной Чувашии, а затем, вероятно, смешавшиеся с абашевцами племена так называемой городецкой культуры, которые расселились в начале нашей эры на значительном пространстве от Верхней Оки до Средней Волги. Из этих племен впоследствии сформировались мешчерские и мордовские племена. Некоторые из них, обитавшие в Среднем Поволжье по обоим берегам Волги, легли местной основой формирования чувашского народа, а также камских булгар. Эти племена были обитателями южных лесных пространств и соприкасающейся с ними лесостепи. Они занимались скотоводством и мотыжным земледелием по поймам рек и лесным полянам, а также частично охотой и лесными промыслами. Городища и селища племен городецкой культуры довольно часто встречаются на месте современного обитания чувашей.

Кроме городецкой культуры, на правобережье в период конца высшей ступени варварства и перехода к классовому обществу имелись влияния культур более северных (дьяковской) и восточных (пьяноборской), связи с носителями которых устанавливались и путем мирных сношений и военными столкновениями.

Издавна, еще с I тысячелетия до н. э., а может быть, и раньше, в Среднее Поволжье начинают проникать и кочевые племена из южных степей. Уже среди материалов ананьинской культуры появляются скифские вещи. Позднее в лесостепных частях края, особенно в Заволжье, отмечается присутствие алано-сарматских племен. Влияние этих степных племен на местное население было незначительным, но оно все же имелось. Сильные влияния в крае южных племен стали выявляться с середины I тысячелетия н. э., со времени появления в лесостепных частях края по обоим берегам Волги булгарских племен. Булгарские племена, принеся в край свою в основном кочевническую культуру, стали быстро сближаться с местным населением, особенно с носителями городецкой культуры, и переходить к земледелию как основному занятию. Археологические памятники, изученные на левом берегу Волги, ясно показывают сближение племен городецкой культуры и булгарских, намечая даже отдельные этапы этого сближения²³. Шло сближение булгар с местными племенами и на месте обитания современных чувашей, особенно на территории юго-восточной части Чувашской АССР, по данным П. Н. Третьякова²⁴, до линии современной границы между верховыми и низовыми чувашами.

Сближение булгарских племен с местными на территории современных анатри и влияние их на всех остальных предков чувашей стало особенно значительным после монголо-татарского завоевания. Как показывают археологические данные, в период завоевания большая часть населения закамского центра Булгарского государства, в том числе и сельского, покидает его, переселяясь частью в районы к северу от Камы, а частью в бассейны Нижней Свияги и Цивилия. Исследования, проведенные на левом берегу Волги, показывают, что значительная часть этого населения уже не возвращается обратно, а начинает создавать новые экономические центры, сближаясь с местным населением. Для территории Предкамья этот процесс достаточно ясен — здесь в результате сближения булгар с предками современных мари и удмуртов начинается формирование казанских татар. Тот же процесс, несомненно, шел и на правом берегу Волги. При этом сюда могла перейти значи-

²³ Материалы археологических исследований Казанского филиала АН СССР, собранные под руководством Н. Ф. Калинина.

²⁴ П. Н. Третьяков, Указ. раб. стр. 69.

тельная часть представителей болгарского племени сувар и дать там свое имя формирующемуся народу, название которого лингвисты склонны выводить из наименования племени сувар.

Процесс переселения болгар на правый берег Волги продолжался и позднее, в течение всего периода монголо-татарского владычества. Население, ограбляемое монголо-татарами, стремилось уходить подальше в лесные дебри, где гнет чувствовался слабее. Эту картину мы наблюдаем опять-таки в Предкамье, где число болгарских поселений все более увеличивается и они из районов, близких к Каме, проникают дальше на север, вплоть до бассейна р. Ашита²⁵. Следующим резким толчком для переброски болгарского населения из Закамья был разгром Булгарии ордынским князем Булат Тимуром в 1361 г., после которого закамские земли начинают быстро пустеть, превращаются даже в место кочевий башкир и ногайцев, а население Булгарии почти целиком уходит в Предкамье и на правый берег Волги.

Таким образом, в период XII—XIV вв. и смогло произойти то тесное сближение местных племен с булгарами, которое привело к созданию чувашского народа, с его в основном тюркским языком, со значительным количеством южных бытовых форм. Но, несмотря на это, у него осталось также немалое число древних местных элементов, сближающих чувашей с финскими народами.

Дав картину формирования чувашского народа из местных племен и степняков, преимущественно болгар, постараемся привести доказательства по материалу быта чувашей.

Труднее всего выделить древние местные формы в занятиях чувашей. Хозяйство народа, особенно со стороны его техники, в процессе своего развития, повидимому, не раз подвергалось изменениям. От древней охоты в настоящее время не сохранилось ничего. Пчеловодство — определенно местное занятие, оно овеяно многими преданиями и поверьями. Сами чуваша считают его древним, а раньше считали даже священным. Земледелие, несомненно, имело место и у первобытных предков чувашей, но плужным оно стало уже в болгарский период их существования. Так же трудно сказать что-либо и о составе земледельческих культур. Разведение огородных культур, вероятно, наследие местных предков, ибо оно как раз типично для финских народов края. В частности, весьма старым, повидимому, является разведение на огородах хмеля, так как с ним связаны очень древние поверья. Чисто местным и очень древним также является разведение технических культур, особенно льна. Лен — типичное растение для влажных лесных районов, культура его известна в крае со времен бронзы. Конопля появилась, возможно, позднее. Из домашних занятий и промыслов чисто местными являются ткачество и изготовление изделий из дерева. Ткацкий инвентарь чувашей в своих наиболее древних формах близок к таковому же у местных финнов, а деревянная утварь в большом количестве встречается у верховых чувашей, где меньше вообще южных влияний.

Самобытная планировка чувашских поселков с характерным разделением на околотки, как указывает В. В. Егерев²⁶, является определенным пережитком родовых отношений, но трудно говорить, от каких предков она сохранилась, ибо подобная планировка имеется и у всех народов, не так давно утерявших родовые отношения. В планировке усадьбы у вирьял больше чувствуется лесной тип — компактного двора, а у анатри, как и у казанских татар, имеется стремление разбросать постройки по усадьбе и во всяком случае не соединять их с жилым домом. Такая планировка усадьбы характерна для степняков-кочевников.

²⁵ Исследования сотрудников Казанского филиала АН СССР: Н. И. Воробьева, Г. М. Хисамутдинова и Г. В. Юсупова в 1947—1949 гг.

²⁶ В. В. Егерев, Указ. работа.

Типичным же наследием местных предков является стремление к озеленению усадеб, улиц, свободных пространств в деревнях, превращающее чувашские деревни в рощи. При этом в юго-восточных районах поселения чувашей, где более чувствуется влияние предков-степняков, это стремление меньше и там нередко деревни озеленены весьма слабо.

Жилой дом, его постройка, планировка, частое соединение с клетью, устройство в печи очага с подвесным котлом — все это типично для местных народов. Того же происхождения и двухэтажные амбары, которые, кстати сказать, чаще встречаются у верховых чувашей, и клетки со своеобразным навесом и широким крыльцом, имеющие выход не в сени, а на двор, или и туда и сюда.

Определенно о местных корнях говорит своеобразный пережиток древнего жилища чувашей — лась, легкая бревенчатая постройка без окон и потолка, с отверстием в крыше, в котором устроен примитивный очаг из камней. Лась у современных чувашей, особенно у вирьял, имеется почти на каждом дворе и служит летней кухней, а также местом для варки пива. В нем иногда устраивается низкий стол, и хозяева здесь принимают пищу. Сторонники чисто южного происхождения чувашей стремились выставлять лась как пережиток прежнего переносного жилища «южных предков» чувашей, но против этого необходимо решительно возражать. Лась действительно является пережитком древнего жилища, но именно их местных предков. Аналогом его являются широко распространенные кудо марийцев и куала удмуртов. Только последняя имеет иногда характер полуземлянки, близкой к тем, которые известны в крае со времен бронзы (ананьинская культура); кудо марийцев, типичного лесного народа края, весьма близко к чувашскому.

Происхождение старинной белой рубахи, которую раньше носили низовые чувашки, пока неясно, и мы на этом остановимся ниже, но определенным наследием от местных предков является обязательное стягивание ее поясом, наличие ряда поясных украшений и постоянное ношение передника. То же происхождение имеет обычай расшивания ворота рубахи, грудного разреза, края рукавов, подола, а также швов или хотя бы нашивание здесь полосок кумача. Этот древний обычай имеется у всех местных народов, но его нет у степняков.

К местным же относятся все верхние одежды в талию, начиная с легкого шубыра и кончая меховой шубой — типа русской поддевки. Таково же происхождение обуви — лаптей и онуч, которые имеют в крае очень большую древность. Местного же происхождения значительная часть украшений — нагрудные: ама и шульгеме, своеобразные наушные украшения в виде подвесок (халха сьякки), а также вшитые браслеты, имеющие распространение в крае со времен раннего железа. Местного же происхождения заплетание девушками волос в одну косу, так как у южных народов обычно заплетается не менее двух кос.

Близкими ко всем народам края являются деревянная утварь и посуда чувашей, широко распространенная особенно у вирьял. Наиболее типичны круглые короба или долбленные кадки для хранения холстов и одежды (супсе), тогда как у кочевников их заменяют кожаные сумы или четырехугольные сундуки из кожи или войлока, как, например, у казахов.

В питании чувашей также имеется ряд черт, характерных для их местных предков. Сюда можно отнести довольно значительное употребление овощей, дикорастущих трав, грибов, ягод и т. п., чего в кухне степняков нет, а также употребление пива. Таким же местным напитком надо считать и медовую брагу, хотя многие авторы считают ее заимствованной от болгар. Вопрос этот неясен, и мы на нем остановимся еще несколько ниже. Более детально о пережитках чисто местных форм в питании чувашей сказать невозможно из-за отсутствия надежных материалов.

Много общего с соседними финноугорскими народностями имеется у чувашей в старинных общественных и семейно-родственных отношениях, в частности, в свадебном обряде. Сюда, например, можно отнести сравнительно высокое положение женщины у чувашей. Хотя на нее возлагалось очень много работ, но с ней (особенно со старшей в доме) считались и муж, и все остальные мужчины в семье. Типичными для древнеземледельческих народов края, у которых долгое время сохранялись большие семьи, являлся выбор невесты родителями, ранняя женитьба юношей и поздняя выдача замуж девушек.

Большинство языческих верований, как поклонение кереметям (злым духам), моления в священных рощах, принесение в жертву животных на общественных молениях, употребление каши и пива в качестве ритуальных блюд у чувашей близки к соседним породам. К старинным местным земледельческим верованиям можно отнести и распространенный раньше у чувашей культ земли. Сюда относятся такие представления, как «брак земли», оплодотворение земли, период беременности земли, когда не разрешалось производство никаких земляных работ, а также кража земли.

К местным же пережиткам необходимо отнести старинный чувашский календарь с названиями месяцев по явлениям природы и по сельскохозяйственным работам, в отличие от календаря степных народов, связанного с животноводством.

Близкими к соседям являются у чувашей мотивы орнамента вышивок, где наравне с геометрическими фигурами широко используются сильно геометризованные изображения растений и животных. У чувашей совершенно нет доминирующего у степных тюркских народностей растительного орнамента в виде изгибающихся стеблей и слабо стилизованных листьев и цветов. Техника чувашской вышивки своеобразным настилом или крестом близка к таковой у марийцев, мордвы и других местных народностей. У них нет типичного для степняков очень древнего тамбурного шва²⁷, а также весьма редко применяется аппликация. В резьбе по дереву, особенно в украшении ковшей для пива, широко применяется издревле известный в крае так называемый «звериный стиль» — сильно стилизованные изображения животных, особенно лошадей и птиц.

Таким образом, в быту чувашей даже при беглом ознакомлении с ним, сразу бросается в глаза так много чисто местных черт, каких не могли бы приобрести чуваша, если бы их единственные предки пришли в край с юга даже в весьма отдаленные времена. Многие бытовые вещи и формы чувашей имеют в крае древность со времен первобытнообщинного строя и не могли бы так полно освоиться пришельцами. Сюда относятся многие части одежды, в частности, обязательное употребление женщинами пояса, древние верования чувашей и ряд других бытовых форм.

Одновременно с большим числом форм чисто местного происхождения в быту чувашей имеется много форм и типично степных, полученных от других предков, особенно булгарских. Однако выяснение именно булгарских черт в быту чувашей представляет большую трудность ввиду того, что сама культура поволжских или камских булгар, как мы уже отмечали, представляла результат смешения степных форм с теми же местными, в частности с формами городецкой культуры. К стати сказать, мало известна культура сельского булгарского населения, которое теснее соприкасалось с местными племенами. Мы уже упоминали о медовой

²⁷ Он употребляется только при расшивке концов сарпанов у анапри юго-восточных районов Чувашской АССР, но это можно скорее объяснять влиянием соседних татар.

браге у чувашей, которую многие авторы и не без основания считают болгарским наследством. Об ней упоминает ибн-Фадлан в своем описании путешествия в Болгарию²⁸. Не отрицая этого факта, все же приходится ставить вопрос, откуда этот напиток появился у болгар, ибо у степняков меда нет. Не от тех ли местных предков самих болгар, от которых этот напиток перешел и к чувашам?

То же и со старинной женской белой рубахой анатри и анатенчи. Внешне она сходна с рубахой финноязычных народов Поволжья (марийцев, мордвы), а по покрою близка к старинным рубашкам степных народностей (башкир, казахов, каракалпаков и др.). Возможно, эта рубашка попала к чувашам от болгар, ибо наличие ее в старину отмечается некоторыми авторами и для казанских татар, для которых болгары являются также одними из предков. Об этом говорит Георги²⁹: «в летнюю пору ходят они (казанские татарки.— Н. В.), как черемиски и пр. в белых или крашенных по большей части узорчато вышитых и крепко подпоясанных рубахах». Правда, Георги не локализирует своих данных. То же отмечает татарский историк Марджани³⁰ для татар Симбирской губернии, объясняя это заимствованием у финнов. Мы не знаем сельской одежды болгарок — возможно, рубашки у них тоже были белые и расшитые. Опять-таки, если болгарки носили белые рубашки, то откуда они их взяли? Возможно, этот тип рубашки создан у болгар в результате смешения в их быту степных кочевнических и местных лесных форм, но говорить об этом утвердительно пока нельзя, — необходимо вопрос более тщательно изучить.

Однако, не говоря именно о болгарских формах в быту чувашей, а только вообще о древних степных, полученных из разных источников, можно видеть большое количество их в быту современных чувашей, особенно анатри, местные предки которых больше соприкасались не только с булгарами, но вообще со степными племенами.

В планировке усадьбы определенно пережитком, заимствованным от пришлых кочевых предков, является стремление низовых чувашей разделить дом от надворных построек, оставляя в соединении с домом иногда только клеть. От них же взят головной убор чувашских женщин в виде полотенца (сарпан), которым покрывается голова, шея и значительная часть спины. Этот убор аналогичен старинному казанско-татарскому тастару и близок к головным повязкам казахских женщин. Характерно, что по мере движения к северо-западу сарпан постепенно уменьшается и начинает закрывать только шею в области горла и спину, поддерживаясь на голове особым приспособлением — масмак. Подобной головной повязки нет ни у одной современной финноязычной народности, кроме горных и части луговых марийцев (Сотнурский район Марийской АССР), которые, несомненно, заимствовали ее от чувашей. Определенно не местным является женский твердый убор хушпу, который почти в таком же виде имеется у башкир³¹, а в несколько измененном и у казахов. Был близок к этому твердый головной убор и у казанских татарок³². К той же группе надо отнести и девичий головной убор — тухья. Характерно, что хушпу на северо-западе (у вирьял) становится ниже и превращается почти в головную повязку, а тухья почти исчезает. Вероятно, степного же происхождения и перевязь (теветь), которая имеется у татар, башкир и некоторых других тюркских и монгольских народностей.

²⁸ Путешествие ибн-Фадлана на Волгу, Под ред. И. Ю. Крачковского, Л., 1939.

²⁹ И. Г. Георги, Указ. раб., ч. 1, стр. 12.

³⁰ Ш. Марджани, Мустафаду-ль ахбар... (на арабском языке), т. 2, стр. 32.

³¹ С. И. Руденко, Башкиры, Л., 1926.

³² К. Ф. Фукс, Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении, Казань, 1844.

В питании, вероятно, занесены со стороны запускание в бульон крупных кусочков теста (сáма́х), чаще распространенное у анатри, а также изготовление особых сортов домашней колбасы (шартан и тултарма́ш), аналоги которых имеются у степных народов. Широко распространен у всех кочевых народностей напиток айран в виде растворенного в воде сыра или кислого молока, а у полусоседлых, изготавливающих масло, и в виде пахтанья. Пахтанье, под названием уйран, является обычным напитком и у чувашей.

В утвари унаследованы от кочевников кожаные сумы и мешки (хаман и такмак), которые раньше употребляли для перевозки муки и других зерновых продуктов. Сюда же можно отнести и старинный обычай чувашей богато украшать сбрую, распространенный именно у степных народностей.

Несомненно, немало пережитков, принесенных с юга форм имеется и в общественных, а также семейно-родственных отношениях у чувашей, в обрядах и верованиях, но они пока слабо изучены со стороны их генезиса. Можно только уверенно сказать, что в брачных отношениях к таковым относится обычай уплаты определенной суммы за девушку (холым). То же происхождение имеет и чувашский праздник ага-туй, аналогичный сабан-тую кочевых народов, перешедших к земледелию (казанских татар, башкир и др.), а также старинное сказание о великанах, в котором как бы отражается встреча степных богатырей-воинов с земледельцами. Не местными пережитками являются отмечаемый этнографами старинный обычай ставить дома входом на восток и моления на восток.

Полученным от булгар и также, возможно, принесенным последними в край считается обычай для выражения особой почительности снимать головной убор и класть его себе подмышку. Этот прием описан ибн-Фадланом у древних булгар по отношению к их правителю, а Ашмариным³³ отмечается у чувашей во время языческих молений по отношению к божеству.

Приведенные данные, конечно, далеко не исчерпывающие всех бытовых форм народа, ясно показывают, что основой быта современных чувашей являются древние местные и древние же принесенные степняками формы. При этом наиболее ясно выступают, особенно в быту верховых чувашей, именно местные формы, близкие к таковым же у современных финноязычных народностей края. Эта близость, несомненно, является результатом развития местных предков чувашей и соседей в одинаковых условиях существования.

Вполне возможны также весьма древние культурные связи предков чувашей и славянских племен. Славянские культурные формы могли попадать к ним и через булгар, живших в Приазовье в непосредственной близости со славянами (Тмутараканское княжество), и через связи, устанавливавшиеся здесь на месте. Мы знаем, что интерес Киевской Руси к Поволжью возник еще в очень отдаленные времена. Славянские купцы ездили в Булгары в X в. По Волге они проезжали и дальше. Так, в Повести временных лет говорится: «Из Руси можно идти по Волзе в Булгары и Хвалисы и на восток дойти в жребий Симов»³⁴. Во времена Святослава и Владимира Киевская Русь играет большую роль в политической жизни Поволжья. Поэтому непосредственные связи предков чувашей со славянами вполне возможны. Трудно говорить о конкретных влияниях славян того времени, но возможно, что в те времена предки чувашей заимствовали у славян некоторые сельскохозяйственные культуры, как рожь, некоторые культурные элементы, также музыкальный инструмент гусли (кёсле) и т. д.

³³ Н. И. Ашмарин, Булгары и чувашаи. Казань, 1902.

³⁴ Лаврентьевская летопись, изд. 1897, стр. 1.

Исходя из изложенного, можно сказать, что быт чувашского народа в основном сформировался к XV в., но и позднее отдельные группы чувашей продолжали сближаться с соседними народностями, создавались перекрестные культурные влияния, которые значительно затрудняют выделение древних бытовых форм. Некоторые из них, как марийское и татарское, имеют значение в быту лишь отдельных групп чувашей, а другие, как мощное влияние русского народа, отражаются в быту всех чувашей, входя в состав их национальной культуры.

Верховые чуваша (вирьялы), истари имевшие в своем быту больше форм, сближающих их с соседними финскими народностями, в самых северо-западных районах своего расселения и позднее сохранили тесную связь с горными марийцами, которая закрепляется даже довольно частыми перекрестными браками. В результате у них произошла настолько сильная нивелировка быта, что, например, русские исторические источники в XVI в., знакомые с народами Поволжья еще поверхностно, обычно верховых чувашей называли «горными черемисами».

Углубленный анализ перекрестных культурных влияний данной группы чувашей и горных марийцев также еще не проводился, но даже при поверхностном наблюдении сразу видны эти влияния, например, в женском costume. Женские рубашки вирьялки стали шить несколько длиннее, как у мариек, и выдергивать из-за пояса, создавая пышную пазуху, а также стали покрывать их вышивкой с преобладанием черной расцветки вместо красной у других чувашей. Марийским же является обычай вирьялок толсто обвертывать ноги, но кто у кого воспринял черные онучи, сказать трудно. Женские лапти вирьялок определенно марийские. Почти одинаковы с марийскими и женские украшения. С другой стороны, и марийки восприняли у чувашек старинный степной головной убор — сарпан, но, совместно с ними, изменили его.

Не менее тесные отношения установились у юго-восточных анатри с казанскими татарами, с которыми они имеют общих древних предков — болгар. Соприкоснувшись в XV—XVI вв. с чувашами, казанские татары начали весьма сильно на них воздействовать как в бытовом, так и в языковом отношениях. Уже в период после присоединения края к русскому государству имеется значительное число фактов так называемого «отатаривания» чувашей, когда последние принимали татарский язык, а затем постепенно и почти всю культуру татар. Примером может служить группа так называемых молькеевских крышен, которая вклинивается в восточную границу расселения чувашей. Здесь в ряде деревень живет оригинальная группа с татарским языком, но с чувашским бытом, которая себя чувашами уже не называет.

Но, оставляя в стороне вполне «отатарившихся» чувашей, и в быту остальных анатри мы видим ряд чисто татарских элементов. Сюда необходимо отнести способ вмазывания котла в очаг, а не подвешивания его, как это типично для абсолютного большинства чувашей, в том числе и анатри. Отсутствие подвешиваемого котла и постановка его на камни, или вмазывание в очаг, типичны именно для кочевников. Этот способ получен и татарами, вероятно, относительно поздно, ибо наличие специальных цепей для подвешивания котлов, находимых в болгарских поселениях, показывает, что болгары, хотя возможно и не все, подвешивали котлы над очагом, как это делают лесные народы. Характерно, что и в языке у татар сохранился термин подвешивания котла. Например, когда хотят сказать, чтобы приготовили пищу, говорят «казан ас» — подвесь котел, хотя татарки уже с очень давних времен котла не вешают, так как он вмазан в очаг.

Вторым показателем татарского влияния является сравнительно недавняя замена низовыми чувашками белой рубахи пестрядиной и главное — появление у нее оборки, создающей широкий подол. Рубашка

татарских женщин, как показывают наши исследования, является своеобразной комбинацией узкой в подоле рубахи финских народов и широкой — степняков тюрков. При этом финская рубашка, укоротившись, превратилась в верхнюю часть татарской рубашки, а снизу к ней стали пришивать на уровне бедер, иногда ниже или выше, широкую оборку, создающую пышный подол. Такая рубашка лучше сохранилась у крещеных татар, заменившись у мусульман уже в капиталистический период рубашкой из ситца, у которой широкая часть стала пришиваться на высоте нижней и даже средней части груди. К чувашам перешел именно более старинный вариант татарской рубахи, причем между пестрядинной рубахой и старинной белой имеются переходы, когда к белой рубахе пришиваются хотя бы неширокие оборки из пестряди, делающие подол не более широким, но более пышным³⁵.

От татар же чувашаи заимствовали ношение с лаптями, вместо онуч, специальных белых суконных чулок, хотя чувашаи и несколько упростили их покрой.

Взаимные влияния татар и чувашей не ограничиваются приведенными примерами, но они также слабо изучены, и мы останавливаемся только на наиболее ясных.

Бытовые связи мордвы-мокши и юго-западных анатри также имеются, но они пока совершенно не изучены, и мы воздержимся от приведения примеров.

Влияние русского народа на быт всех чувашей начинается также с весьма давних пор (если даже не принимать во внимание воздействие древних славян как на лесных предков чувашей, так и на болгар). Это влияние постепенно все увеличивается и затрагивает самые разнообразные стороны чувашского быта. Мы не будем специально останавливаться здесь на вхождении в обиход чувашей форм социалистического быта, общих с русскими, а коснемся более старых влияний периода феодализма и, особенно, капиталистических.

Прежде всего, как и у всех народов края, огромное влияние русские оказали на хозяйство чувашей. Соприкоснувшись с чувашами на их западной границе расселения еще до присоединения края, а после присоединения появившись и в районах поселения их, русские принесли более высокую технику земледелия. Русские принесли в край весьма прогрессивное для XVI в. трехполье. Вместе с русскими появилась в крае соха, более простая и удобная в обращении, чем местный сабан, появился русского образца серп, коса вместо горбуши, цеп вместо разминания колосьев ногами лошадей или волокущимися камнями и т. д. Все это было быстро освоено чувашами.

В результате совместной жизни с русскими чувашаи стали увеличивать размеры и число окон в своих избах, от русских же позднее они усвоили и топку изб по-белому. Под русским влиянием, особенно в связи с принятием чувашами христианства, в их избах появился красный угол со столом и лавками. Это сначала уменьшило нары, характерные в древности для всех народов края, очистив от них передний угол. Позднее нары были вытеснены окончательно или сохранились только у двери в виде русского коника и перед отверстием печи, где они заменяют кухонный стол и лавки. Не без воздействия русских в чувашских избах появились, хотя далеко и не везде, полати. Вообще во внутренней обстановке чувашского дома русские влияния весьма велики.

Обычай украшать дома снаружи богатой резьбой по фризу, углам, надевать резные наличники на окна также появился, вероятно, не без

³⁵ Подобные рубахи мы наблюдали в 1949 г. у анат-енчи в Цивильском районе Чувашской АССР.

участия русских. Трудно сказать что-либо о раскраске фронтов домов и наличников. Здесь наблюдается полихромия, которая могла быть получена чувашами от болгарских предков или позднее от татар.

На одежде русское влияние заметно сказалось позднее, именно в XIX в., когда мужчины стали носить русского образца рубахи, штаны, пиджаки, фуражки, сапоги. При этом больше сказалось влияние русской городской одежды, вероятнее всего через отходников: чувашей, уходящих на заработки в русские районы, и русских, появившихся среди чувашей преимущественно в качестве ремесленников. Женского костюма русское влияние коснулось меньше, и здесь оно наиболее ясно только в ношении чувашками головного платка по-русски, складывая его на угол. Возможно, под русским же влиянием довольно широкое распространение получили у низовых чувашек вязаные чулки.

Освоили чувашаи и более удобный русский ткацкий станок с дугами для крепления ниченок, но навой у них все-таки редок и чаще заменяется свиванием основы особым жгутом, как у всех народов края.

В питании, возможно под русским влиянием, появились у чувашей закрытые пироги с начинкой, а также и хлебопечение караваями на поду, но этот вопрос неясен и требует дополнительного изучения. На возможное заимствование хлебопечения у русских указывает следующее: когда чувашка испечет особенно удачный хлеб, то говорит, что этот хлеб не стыдно показать майре (русской женщине). Этим чувашки как бы считают себя ученицами русских женщин.

Совершенно не исследован вопрос о роли русских трудовых масс в области изменения общественных и семейно-родственных отношений у чувашей, хотя изучение его имеет весьма большую актуальность.

В области духовной культуры особенно велико было в прошлом влияние русских через религию. Приняв от русских в XVIII в. православие, чувашаи восприняли вместе с ним много обычаев, русский сельскохозяйственный календарь со счетом по церковным праздникам и т. п. В области искусства к чувашам проникла, хотя и не получила широкого распространения, русская техника вышивания простым крестом, а также и некоторые мотивы орнамента, как изображение человеческой фигуры, всадника и т. п. Попали к чувашам и широко распространенные у русских музыкальные инструменты — гармонь и скрипка.

Влияние русской, как сельской, так и городской, культуры постепенно все усиливалось. Мы не будем подробно говорить о том, что при помощи русских чувашаи получили во второй половине XIX в. собственную письменность, что чувашская литература начала строиться по лучшим русским образцам, которым чувашские писатели сумели придать национальные формы, в частности, используя богатейшее народное творчество чувашей.

В целом, несмотря на слабую изученность генезиса бытовых форм чувашского народа, можно сказать, что сам народ и его быт, как и вся культура, формировались на месте своего основного обитания на территории Чувашской АССР, а не где-то в Передней Азии и даже не в заволжских степях, куда некоторая часть чувашей переселилась позднее. Формирование шло на базе культуры древних местных племен, к которым в разное время прибавилось много форм, характерных для быта степных кочевников. Наиболее крупное участие в формировании чувашей приняли камские болгары, особенно после монголо-татарского завоевания, когда большое число болгарского, особенно сельского населения, принуждено было перейти на правый берег Волги и скрыться в лесах бассейна Цивилия, Нижней Суры и Нижней Свияги. Здесь болгары тесно сблизились с древними аборигенами этих мест, уже и ранее культурно связанными с теми же болгарскими и другими южными народами, передали им в значительной степени свой язык и ряд бытовых черт. При этом с болгарскими сильнее сблизились юго-

восточные племена, которые позднее и оформились как чуваша низовые (анатри), в то время как у северо-западных племен — верховых чувашей (вирьял) болгарские черты больше сказались в языке, чем в культуре. Однако, несмотря на значительную примесь элементов болгарской культуры, быт даже низовых чувашей сохранил большее количество местных элементов, чем степных, как болгарских, так и еще более древних, возможно скифских, сарматских, хазарских.

Процесс формирования чувашского народа, как и других народов края, наиболее интенсивно протекал в течение XII—XV вв. и к XVI в. в основных чертах закончился.

Позднее (начиная с XVI в.) низовым чувашам пришлось достаточно тесно соприкоснуться с также к этому времени сформировавшимися казанскими татарами и мишарями, и часть их восприняла ряд татарских бытовых форм. Верховые чуваша, особенно северо-западная часть их (трудно сказать, с какого времени), также тесно соприкоснулись с горными марийцами и получили ряд бытовых черт от них.

Несмотря на всю сложность происхождения бытовых форм современных чувашей, культура их вполне сложилась. Отдельные составные части ее так тесно сплелись между собой, что весьма часто очень трудно выяснить происхождение того или иного элемента. Создалась культура, присущая именно чувашскому народу, в деталях несколько отличная у разных групп чувашей, но в основном общая для всего народа. Чувашский народ, как и «каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»³⁶ (И. В. Сталин). Эта весьма сложная, веками создававшаяся культура устояла и против попыток татаризации, которую пытались проводить господствующие классы казанских татар, и против сильнейших нажимов православных руссификаторов. Народ сумел сохранить свою самобытную культуру до Великой Октябрьской социалистической революции. После нее чувашский народ, в дружной семье братских народов СССР, под руководством большевистской партии и ее вождей Ленина и Сталина, при помощи великого русского народа, получил возможность развивать свою культуру по новому, социалистическому пути. В настоящее время идет бурный подъем культуры, постепенно стираются различия между отдельными группами, быстро расцветает культура чувашского народа, как и культура всех советских народов, национальная по форме, социалистическая по содержанию.

В заключение еще раз повторим, что генезис культуры чувашей к настоящему моменту изучен весьма слабо, и мы не претендуем на абсолютную точность всех наших данных, но основные все же достаточно точны и могут помочь в разрешении сложного и во многом сознательно запутанного буржуазными учеными, особенно миссионерского направления, вопроса о происхождении чувашского народа. Дальнейшие исследования, несомненно, расширят эти данные, а совместные дружные усилия советских ученых разных специальностей дадут возможность еще более четко разобраться в данном вопросе.

³⁶ Из речи на приеме финляндской правительственной делегации, см. газ. «Трава» от 13 апреля 1948 г.

В. Г. ЕГОРОВ

ЭТНОГЕНЕЗ ЧУВАШЕЙ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

Решение вопроса о происхождении чувашей и этнической принадлежности их представляет большие трудности ввиду полного отсутствия древних памятников чувашского языка и свидетельств древних историков и путешественников о чувашах и их языке. История была крайне немилостива к чувашам. В течение многих веков они оставались в полном забвении и неизвестности, как бы в положении народа без роду и племени. Обошел их полным молчанием готский историк VI в. Иордан, отметивший в числе народов, плативших дань готскому королю Германариху, сопредельные с чувашами народности Поволжья — мордву и черемис; ничего не говорит о чувашах и хазарский каган Иосиф в своем известном письме к испанскому сановнику, еврею Хасдаю ибн-Шафрута, перечисляя живущих на р. Волге (Итиль) буртас, болгар, сувар, арису (эрзя), цармис, венентит, север, славин (X в.); умалчивает о них и Начальная летопись, где под 859 г. мы читаем: „А се суть инии языци, иже дань дают Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Мещера, Черемиса, Мордва“; не упоминают о чувашах и арабские писатели и географы ибн-Фадлан, Мукадесси, Истахри, Якут и др.

Чуваши становятся известными в истории только с XVI в. в связи с военными действиями Русского государства против Казанского ханства. Такое позднее упоминание историков о чувашах объясняется тем, что в древнее время чувашей, живших в соседстве и даже смешанно с черемисами и по антропологическому типу и по внешнему виду (по одежде и обуви) мало отличавшихся от них, принимали за черемис. В период Булгарского царства и Казанского ханства, поскольку чувашаи входили в состав этих государств, их относили к булгарам и татарам. Но и после присоединения чувашей к Русскому государству их часто смешивали с черемисами или с татарами. Например, в „Сказании о взятии Казани“, памятнике XVI в., мы читаем: „Егда же переплавишася Суру реку, тогда и Черемиса горняя, а по их Чуваша зовомые, язык особливый, начаша встречати по пятисот и по тысяще их, аки бы радующеся цареви пришествию“.

Вопрос о происхождении чувашей интересовал многих историков и этнографов. Академик Георги и все писавшие о чувашах на основании его „Описания путешествия“ видели в чувашах одно из финских племен. Казанская писательница А. Фукс, автор книги „Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии“ (1840), и мадьярский ученый Hunfalvy¹ считали чувашей потомками древних хазар, казанский этнограф В. Сбоев относил их к буртасам.

Первую более или менее близкую к истине, но несколько смутную догадку о происхождении чувашей мы находим у историка Татищева,

¹ См. Hunfalvy, Die Ungern oder Magyaren, 1881.

который в своей „Истории российской с самых древнейших времен“ признает чувашей за потомков волжско-камских булгар. „Вниз по реке Волге, — пишет он, — чуваша, древние болгары, наполняли весь уезд Казанской и Синбирской“². Позднее лектор Восточного факультета Петербургского университета Хусеин Фейзханов первый обнаруживает чувашские слова в болгарских надмогильных надписях. В опубликованной им в 1863 г. статье „Три надгробных болгарских надписи“³ он загадочные слова „джиати джур“, встречавшиеся на многих памятниках и служившие камнем преткновения для других ученых, расшифровал очень легко и просто как чувашские слова „сичё сёр“ — семьсот, т. е. семисотый год мусульманского летосчисления. До него проф. И. Н. Березин, ошибочно приняв их за арабские слова, переводил их как „пришествие угнетения“. „Ясно, — писал он, — что этот год был ознаменован каким-то особенным событием и притом не в одном Булгаре, но и во всех болгарских владениях... Сложив буквы анаграммы *حيات جور* по численному их значению, мы получим 623-й год

гиджры или 1226 г. нашего летосчисления. Этот год ясно указывает на нашествие монголов...“⁴ Эта ошибка нашла себе место и в наши дни у проф. А. В. Арциховского в „Введении в археологию“, где мы читаем: „На надгробиях часто встречается одна и та же странная дата „год пришествия угнетения“. Это год монгольского завоевания“⁵. В данном случае мы имеем прекрасный пример недостаточности одних лингвистических данных при решении серьезных научных вопросов, пример того, что лингвистические материалы необходимо увязывать с данными других источников.

Точку зрения Фейзханова поддержали Н. И. Ильминский⁶, акад. Куник⁷, проф. Н. И. Ашмарин⁸, акад. А. А. Шахматов⁹ и др. После этого теория болгарского происхождения чувашей постепенно приобретает в науке общее признание. Теория эта, понятая узко и одно-сторонне, позднее подхвачена была татарскими и чувашскими буржуазными националистами, и она породила у них мечты о возрождении былого могущества и величия болгарского государства в лице вновь возникавших тогда автономных национальных республик: у татар — Татарской республики, у чувашей — Чувашской республики. Некоторые чувашские националисты не прочь были даже переименовать Чувашскую республику в болгарскую.

Такая односторонняя теория, порочная в методологическом и политическом отношениях, не могла удовлетворить советских ученых. Они стали искать новых путей к разрешению вопросов, связанных с этногенезом народов Поволжья. В поисках этих путей ими широко привлекались археологические и антропологические материалы.

Исходя из того, что процессы этногенеза в жизни племен и народов протекают на основе развития производительных сил и производственных отношений, исторически развивающихся все более тесных взаимных отношений и культурных влияний, можно установить, что

² В. Н. Татищев, История Российская с самых древнейших времен, 1768, стр. 317.

³ Хусеин Фейзханов, Три надгробных болгарских надписи, «Известия Археол. об-ва», т. IV, 1863, стр. 395—404.

⁴ И. Н. Березин, Булгар на Волге, Ученые записки Казанского ун-та за 1852 г., кн. III, стр. 74—160.

⁵ А. В. Арциховский, Введение в археологию, 1947, стр. 166.

⁶ Н. И. Ильминский, О фонетических отношениях между чувашским и тюркским языками, «Известия Археол. об-ва», т. V, 1865, стр. 80—84.

⁷ Куник, О родстве хазаро-болгар с чувашами..., Записки Академии Наук за 1879 г., прил. № 2, стр. 118—161.

⁸ Н. И. Ашмарин, Болгары и чуваша, 1902.

⁹ А. А. Шахматов, Заметка о языке волжских болгар. Сборн. Музея антропологии и этнографии при Академии Наук, т. V, вып. 1, 1918, стр. 395—397.

чувашский народ формировался на нынешней территории постепенно путем смешения аборигенов местного края с пришлыми, более культурными булгарами. Местное автохтонное население, с незапамятных времен обитавшее в Волжско-Камском крае, повидимому, состояло из разнородных и разноязычных лесных племен скифо-сарматского, отчасти, быть может, и пришедших сюда позднее степных племен тюркского происхождения. В своем тюркском слое оно очень легко поддавалось смешению с пришлыми булгарами-тюрками. Весьма возможно, что к IX — X вв. из смешения их образовалось довольно сильное и многочисленное племенное объединение суфар с одноименным большим торгово-промышленным городом. О крупном экономическом значении г. Сувара говорит уже факт собственной чеканки им монет, из коих известны монеты, чеканенные в X в. в период времени между 931 и 992 гг. По всей вероятности, болгарский этнический элемент отложился в чувашской народности довольно мощным творческим пластом, он и языку чувашскому сообщил тюркский строй речи и тюркскую лексику.

В пользу того, что в этнический состав чувашского народа позднее влились булгары (сувары), красноречиво говорят следующие языковые факты.

1. Булгарские надгробные надписи, в которых хорошо отражается типичный для чувашского языка „р“ и „л“ диалект в противоположность „з“ и „ш“ диалекту других тюркских языков. Например, мы

здесь имеем слова: тухур طھر — девять, саккар سکھر — восемь,

вутур ووتر — тридцать, джур جور — сто, джирем جيرم — два-

дцать, хир حیر — дочь, девушка, арня кун ارنه کون — пятница, айх

ايح — месяц, биалем بيالہ — пятый и т. д. Эти слова в других

тюркских языках звучат, как тугыз, секиз, отуз, йүз, егерме, кыз, атна кон, ай, бишенче и т. д.

2. В русских летописях (в Троицкой) под 1230 г. встречается болгарское слово турун в форме множественного числа *трунове* в значении высшего сословия, высших должностных лиц болгарского царства. В Чувашии до сего времени несколько селений носит название Туруново: Таран, Тарам. В древних тюркских языках (в енисейско-орхонских надписях) слово, соответствующее турун, имеет форму *тудун* (с интердентальным *д*.) Интердентальному же *д* орхонских надписей в современном чувашском языке систематически соответствует звук *р*: адак — чув. ура — нога, адгү — ыра и др. Кроме слова турун, в чувашском языке известны и другие слова заведомо болгарского происхождения. Например, в словаре Махмуда Кашгарского, в памятнике XI в., указаны в качестве болгарских слова, которые бытуют теперь в чувашском языке: *авус*, чув. ай ас — носок, *күбе* — кольчуга, чув. кёпе (приносится кёбе) — рубашка. Нужно также заметить, что в 1945 г. во время раскопок близ древней болгарской столицы Преславы найдена была гранитная колонна со старинной надписью, где четыре раза повторяется слово „кюпе“ в значении кольчуги¹⁰. Повидимому, производство *күбе* сильно распространено было у болгар

¹⁰ Софийская газ. «Изгрев» от 5 сентября 1945 г., № 282, стр. 4.

не только в период пребывания их на Северном Кавказе, но позднее и на Волге. Известно, что в древнее время в Хорезм кольчуги вывозились из Волжско-Камской Булгарии¹¹.

3. В чувашском языке сохранился ряд слов, общих с древнеармянскими, древнегрузинскими и с осетинскими словами. Не приходится сомневаться, что слова эти могли появиться только на Кавказе в аланской, армянской и грузинской среде. Наличие их в современном чувашском языке представляет явление весьма странное и загадочное, вызывающее большое недоумение и затруднение у исследователей, тем более, что история не знает культурных взаимосвязей между чувашами и указанными кавказскими народами. Здесь приходится принять во внимание то, что вторым этническим компонентом чувашской народности явились болгары-сувары, которые до прихода сюда на Волгу в течение долгого времени (со II в. до н. э. до VI—VII вв. н. э.) жили на Кавказе в соседстве с аланами, армянами и грузинами. Армянский историк VIII в. Моисей Хоренский пишет: „Во дни царствования Аршака I (127—114 г.), сына Бах'аршака, возникли большие смуты в цепи великой горы Кавказской в земле болгаров, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю и поселились в низовьях Ках'а — в плодородных и хлебодородных местах в продолжение долгого времени“¹².

В течение 7—8-векового пребывания болгар на Кавказе естественно и неизбежно могли иметь место процессы взаимодействия различных этнических и культурных элементов, т. е. могло иметь место не только культурное влияние местных аборигенов на болгар, но и случаи частичного смешения их между собой. С Кавказа и вывезли болгары слова, являющиеся теперь в чувашском общими то с армянскими, то с грузинскими, то с осетинскими. Сюда относятся: чув. *кавар* — горящие угли, у древних халдов *куар* — бог огня¹³; в грузинских песнях слово это повторяется в форме *квара*; *вёре*, арм. *варел* — кипеть; *серси* — летучая мышь: чув. *сер* — ночь; груз. *си*, *сер* — птица; *авъ*, груз. *абед* — трут, в скиф. *табити* — бог огня; очаг; *Ат'ал*, древнегруз. *Аталас* — Волга, в осет. нартских сказаниях *Адыл* — имя владетеля неизвестной страны; *ч'ак'ят*, осетинск. *чигт* — сыр; *кавраç*, осет. *к'арз* — ясень; *кёне* — рубашка, груз. и осет. *каба* — женская рубашка (заимств. от болгар); *кил*, кюринск. *кел*, азербайдж. *гил* — дом, семья и т. д.

Современное чувашское слово *çак'ар* — хлеб, представляющее фонетический вариант слова *джугара*, обязано своим происхождением болгарам. Хотя растение это культивируется главным образом в Средней Азии, но поскольку в исторических памятниках нет никаких намеков о пребывании болгар в Средней Азии, то, повидимому, они усвоили это слово на Кавказе же от других народов, возможно, от хорезмийцев, с которыми они находились в близких взаимоотношениях и на Северном Кавказе, и на Волге.

4. Этническая общность чувашей и болгар подтверждается также и наличием болгаро-чувашских заимствований в мадьярском языке. Мадьяры, повидимому, долгое время (V—VII вв.) находились под культурным влиянием древних болгар. В мадьярском языке сохранилось до 200 болгарских слов, всецело совпадающих, за исключением незначительных фонетических изменений, с нынешними чувашскими словами. Слова эти относятся к области скотоводства, земледелия, домашнего быта и хозяйства. Мадьярские лингвисты, этнографы и историки давно обращали внимание на чувашские элементы в их

¹¹ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, 1949, стр. 14.

¹² Моисей Хоренский, История Армении. Перев. Эмина, 1858, стр. 87.

¹³ См. Леман, Армения, т. II, стр. 46.

языке, но окончательно систематизировал их Гомбоць в своем труде „Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache“ (1912).

Приведем часть культурных терминов из указанных им:

мадьярск.	еке	чув.	ака	— плуг
»	ik	»	ак	— сеять
»	kender	»	кантър (т-д)	— конопля
»	sarló	»	çурла	— серп
»	komló	»	хамла	— хмель
»	borsó	»	парça	— горох
»	arpa	»	урпа	— ячмень
»	gyom	»	çум	— сорная трава
»	filó	»	тыла	— мялка, льномялка
»	ökör	»	вăкър	— бык
»	ünő	»	ёге	— корова
»	borjú	»	пăру	— теленок
»	disznó	»	сысна	— свинья
»	szam	»	сум	— счет, число
»	söprő	»	çёпре	— дрожжи
»	bolcső	»	пелче	— люлька, зыбка
»	gyűrű	»	çёрё	— кольцо и т. д.

5). О преобладании болгарского элемента в чувашской народности и языке говорит отчасти и то, что некоторые старославянские слова болгарских изводов и уцелевшие от древнего времени единичные слова у современных дунайских болгар являются совершенно одинаковыми по значению с соответствующими чувашскими словами. Например, старосл. бълъгъ — знак, знамя, чув. палă, палăк — знак, надгробный столб, памятник, на болгарских надгробиях белюк знак

памятник, у современных болгар белег — знак, метка; тикръ, тикъръ, тикра, чув. тӱкӱр, тӱкӱр — зеркало; самъчи — кассир, казначей, чув. сум < сам — большое число, счет, позднее рубль = 100 копеек; осохъ, чув. осă — польза: совр. болг. капъ (капище) — идол, чув. кап — форма, фигура, силуэт, внешний вид, подобие; чавка в чув. и болг. означает галку (слово это, возможно, ономотопозэтической природы); болг. кѣтъ, кътъ, русск. кут, чув. кӱт-ес — угол; древнеболгарск. тепе — род серебряного головного украшения женщин, чув. тевет — широкая лента, украшенная монетами и бисерами, надеваемая женщинами через левое плечо (пример взят из статьи проф. Н. П. Гринковой)¹⁴; болг. белтек, чув. пелтек — заика, старослав. вѣрѣти, чув. вӱре — кипеть и т. д.

6. При сближении чувашей с болгарями нельзя проходить и мимо того общеизвестного этнографического факта, как выражение почтительности держанием шапки под мышкой. Ибн-Фадлан пишет, что болгары при встрече с царем и со старшими снимают шапку и держат ее под мышкой. То же самое наблюдалось у чувашей. Держание шапки под мышкой составляло непрременную особенность чувашских молений, хотя бы они происходили летом в жаркую погоду. При общественных и домашних молениях чувашин обязательно снимал свою шапку и держал ее под мышкой.

Таким образом, приведенные данные языка не оставляют сомнений в том, что в этническом составе чувашской народности болгарский элемент оставил наиболее толстый и мощный пласт. Он густо отло-

¹⁴ См. Н. П. Гринкова, Монографическое изучение диалектов как материал истории языка, Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена, т. XX, 1936, стр. 100.

жился и в лексике чувашского языка и сыграл преобладающую, если не исключительную роль в истории его формирования¹⁵.

Можно с уверенностью сказать, что современная лексика чувашского языка в своей тюркской части в основном почти вся болгарская. В период Казанского ханства хотя сюда и проникали татарские слова, но сравнительно в незначительном количестве. Несмотря на то, что основной тюркский фонд лексики татарского и чувашского языков считается одинаково болгарским, но все же весьма часто названия одних и тех же предметов в том и другом языке не совпадают. Например, для названия первобытного плуга, серпа, коровы, кобылицы, ягненка, свиньи и пр. у татар слова сабан, урак, сыер, бия, бэрэн, дунгыз, а у чувашей ака, сурла, ёне, кёсре, путек, сысна и пр. То же самое нужно сказать и о словах: человек, женщина, рука, волк, хлеб, рубашка, голос и пр.: в татарском кеше, катын, кул, буре, икмэк, күлмек, тавыш, а в чувашском: сын, арам, ала, кашкар, сакар, кёпе, сасă. Аналогичные с чувашскими названия для указанных предметов мы находим только у тюркских народов, живущих теперь далеко от чувашей, у киргизов, туркмен, азербайджанцев, алтайцев и др., которые в древнее время, повидимому, тесно соприкасались с булгарами. У казанских же татар в административном управлении тон задавали, вероятно, не булгары, а пришлые ногайцы, куманы, крымские татары и др. Они же, видимо, играли решающую роль и в окончательном формировании татарского языка. Нельзя также забывать того, что сами булгары являлись весьма сложным этническим образованием и язык их мог иметь некоторые диалектальные особенности.

Для показа того, насколько болгарское лексическое наследство велико в чувашском языке, мы распределим соответствующие слова по следующим группам: I. Человек и части его тела. II. Родство. III. Дом и вещи в доме. IV. Домашние животные и птицы и использование их в хозяйстве. V. Земледелие и продукты его: хлебные злаки и технические культуры. VI. Деревья и плоды их, травы и ягоды. VII. Животный мир. VIII. Пища и напитки. IX. Счет, число и мера. X. Минералы и металлы. XI. Одежда и обувь. XII. Оружие, орудия и инструменты. И во всех этих группах будут превалировать слова болгарско-тюркского происхождения.

I. Человек и части его тела

Чувашские названия	Булгарские (тюркские) названия	
этем, сын	адам, чон	человек
этем ывăлĕ-хĕрĕ	адам огланы	род человеческий
ар, арсын	ир, эр	муж (vir), мужчина
пуç	баш, паш, бас	голова, начало
пуç тупи	баш тубăси	верхушка головы (темя)
куç	кўз, кōз, кōс,	глаз
куç папакки	кōзбебеги	зрачок
куç харши	каш, кўз кашы	бровь
сăвар	авыз, ауыз, агыз	рот
сăлеке	силекей	слюна
тута	тодак, дудак	губа
пит	бит, бет, нит	лицо
суç	чăч,сач	волос
сухал	сакал	борода
май	мойн, муен, бой, бойун	шея
ёнсе	энсе, инсе	затылок

¹⁵ Хотя в чувашском языке имеются кыпчакские (половецкие) элементы, но они, повидимому, проникли сюда позднее из татарского языка в период Казанского ханства. Булгары, начиная приблизительно с XII в., имели более тесные связи с половцами, а в XIV в. после разгрома болгарского государства они в своей основной массе смешались с ними, образуя смешанные этнические группы, вошедшие потом в состав казанских татар и башкир.

хулпусси, анпусси	кулбаш, инбаш	плечо
какăр	күкрек, көкүрөк, гөгүс	грудь
ал, алă	эл, элик	рука
хул рука от локтя до плеча	кол, кул	
ывăç	авуч, авыч, ауч, авуш	горсть
пилёк	бел	поясница, талия
аяк	як, жак	бок
ура	аяк, адак, азак	нога
ура тупанё	аяк табаны	ступня
пурне	бармак, пармак	палец
пус пурне	баш бармак	большой палец
вăта пурне	орта бармак	средний палец
ятсăр пурне	атсыз бармак	безымянный палец
чёрне	тырнак	ноготь, коготь, копыто
чёр, чёркусси	тиз, тизă, тис	колено
шăмă	сөнăк, сөйөк, сынак, сөөк	кость
шăнăр	сингир, синир	сухожилие
пү, пёв	бой, буй, пой	стан, рост
пыр	богаз, богуз, пауз	горло
хырăм	карын	живот
чёре	йурек, йөрөк, дьурек	сердце
ўпке	ўпкă, опке	легкое
пёвер	багыр, баур, бавыр	печень
пүре	бöre, бөбрөк, буграк	почка
ват (вачё)	от, од, ўт	желчь
юн	кан	кровь
камăл	күнел, гөнүл	сердечное расположе- ние, сердце
миме	ми, миз, майă	мозг
тир	тер, тире	кожа
тар	тер	пот, испарение и т. д.

III. Родство

Булгарский элемент сильно преобладает в чувашском языке и в названиях родственных отношений, например:

Чувашские названия	Тюркские названия	
атте	ата	отец
анне	ана	мать
атте-анне	ана-ата, ана-баба	родители
упăшка — муж	абушка	муж, старик
ывăл, диал. ул	огул, оул, ол, ул	сын
хёр	кыз	дочь, девица
кёрү	кияў, күйөө	зять (муж дочери)
йысна	жизнă, йăсна, йизнă	зять (муж старшей сестры)
кин	келин	сноха (жена сына)
инке	йенкăй, жинге йăнғă	невестка (жена старшего брата)
хуньям, хунё	кайн, кайын, кадын	тесть
хуняма, хунеме	кайнана, кайын, эне	теща
хуньякам, хунекем	кайнигăч	свояченица (старшая сестра жены), свояченица (младшая сестра жены), золовка (младшая сестра мужа)
хёр пултăр	балдыз	свояк
пултăр		родной брат, родственник
пусана	бажа, бажанак	единоутробный брат, сестра
тăван	туган	
хурайташ родственник	карындаш	
хăта	кода, куда	сват
йевчё	яучы, жуучу	сваха
карчăк	карчык	старуха
тăлăх арăм	тол катын, дул кадын	вдова
хăна	кунак	гость
пелёш	билиш, пилиш	знакомый
авлан	аўлян (аў, эв, ўй-дом)	жениться
ту, тăв родить	тог, ток	родиться и т. д.

Точно так же болгарский элемент преобладает и в остальных десяти группах, а потому нет нужды их перечислять.

Что касается чувашей до ассимиляции с болгарями, то о них мы не имеем никаких сведений и не можем определенно сказать, какие племена входили в их состав, что это были за племена и каков их культурный уровень. Никто также не пытался выяснить, какие отложения они оставили в лексике и грамматике чувашского языка. Вообще вопрос этногенеза чувашей является одним из наиболее сложных и трудных. На основании археологических данных можно предположительно сказать, что это были аборигены края, объединившиеся местные разнородные и разноязычные лесные племена скифо-сарматского происхождения с охотничьим и рыболовным хозяйством.

Несколько позднее, вероятно, явились к ним и осели скотоводы-тюрки, с которыми они смешались и образовали добулгарское племенное объединение с преобладанием тюрков и языка их, поскольку скотоводство в первобытном хозяйстве играло решающую роль. Когда же потом пришли на Волгу болгары-тюрки, то чувашское племенное объединение в силу общности языка и некоторых бытовых особенностей легко ассимилировалось с ними. Этим только и можно объяснить, почему именно соседи чувашей, как марийцы, удмурты, отчасти и мордва, наравне с чувашами входившие в состав Булгарского царства, несколько не поддались ассимиляции с пришельцами, в чистоте сохранили свой язык, ограничились только заимствованием нескольких десятков болгарских слов, а чувашаи окончательно тюркизировались.

О занятиях чувашских племен в добулгарское время имеются прямые указания в фольклоре. Отсюда мы узнаем, что они в течение долгого времени жили охотой и бортничеством, а потом перешли к мотыжному земледелию: начали обрабатывать землю кривой палкой, т. е. суком. Название этого первобытного земледельческого орудия и самое орудие это в значительно усовершенствованном виде дошли до нас. Это *хусак* (тюрк. кадак — кол), диалектически шепёнъ, карлав. Оно представляет собой теперь узкую дубовую лопату шириной в 2—2,5 вершка. Им копают картофель. Культура же плужного земледелия в Поволжье складывалась, повидимому, под непосредственным влиянием болгар (при раскопках найдены лемехи от болгарских плугов). Сельскохозяйственные орудия чувашей и хлебные культуры их носят на себе следы болгарского (тюркского) происхождения. Например: ак — сеять, ака — плуг, урпа — ячмень, сёлд — овес, пәри — полба, сурла — серп, выр — жать, сәл — косить и т. д.

Отсутствие определенных исторических материалов о добулгарском периоде существования чувашей частично возмещается лингвистическими данными. Тщательное рассмотрение и глубокий анализ языковых материалов дают нам возможность заключить, что указанные первобытные доисторические разнородные племена, которые предшествовали эпохе формирования современных народов и языков Поволжья и составили основной этнический компонент чувашского народа, вместе с тем, повидимому, частично послужили основой, на которой возникли и финноугорские и восточнославянские народы. Об этом можно судить по уцелевшим в означенных языках единичным общим словам.

1. В чувашском языке сохранились в более или менее архаичном виде некоторые древние слова: *калам кун* — пасха (среда страстной седмицы), посвященная поминовению усопших. По верованиям чувашей, в этот день мертвецы оставляли свои могилы и шли к своим родным невидимо погостить у них до праздника *сёрен* или *вирём*; ср. финск. *калмо* — могила, г. Холмогоры < Калмо + кар — могильный город, т. е. город, построенный на кладбище; в чувашском и финском языках древнее слово *кар* обозначал город, ср. у коми Сыктывкар, у чувашей *Шубашкар* (Чебоксары).

2. В чувашском языке имеются также общие с отдельными финскими языками грамматические формы: препозитивная отрицательная частица *ан* (удм. эн), употребляемая только в повелительном наклонении: *ан кай* — не ходи; аффикс *-са, -се* в деепричастии (в чув., удм. и в яз. коми): *кайса кил* — сходи; аффикс *-ла, -ле* для образования прилагательных и наречий; выросла *юрә* — русская песня, выросла *калаҫать* — говорит по русски; аффикс инфинитива *-ас, -ес* в чувашском, *-аш, -еш* в марийском: *ёҫлес пулать* — нужно работать; аффикс *-скер* в обособленных прилагательных и причастиях в чувашском языке и слово *ўжғар, ўзғар* — предмет, вещь в марийском языке: *мана, чирлёскере, штабра тытса тамарёс* — меня, больного, в штабе долго не держали. Можно привести и еще целый ряд древних общих в чувашском и восточнофинских языках слов, но все они будут говорить нам о доисторических связях между чувашами, с одной стороны, и восточными финнами, — с другой. Буржуазные ученые Вихман, Рясанен и др. наличие общих слов в указанных языках склонны были объяснить исключительно позднейшим культурным влиянием чувашей на финнов¹⁶. Такое объяснение можно считать состоятельным только в отношении одной части общих в этих языках слов, а другая часть общих слов, как мы видим, явно представляет наследие от доисторических первобытных племен до формирования их в финскую и чувашскую народности.

3. Слово *кепе*, повидимому, тоже относится к дотюркской лексике чувашского языка. Именем *кепе* называлось у чувашей языческое божество, которому приписывалось назначение человеку при рождении того или иного удела — одним счастье, другим страдания. Свою горькую участь, свою судьбу чуваша приписывали этому божеству и старались умиловать его принесением в жертву гуся. В марийском языке ему соответствует *кава юмы*, в удмуртском — *каба инмар*. Н. И. Ашмарин в имени этого божества видел название мусульманской священной каабы в Мекке. Но с таким пониманием трудно согласиться: чуваша были язычниками, а не мусульманами. Кроме того, *кепе* часто называлась матерью, которую ни в коем случае нельзя огорчать. В более же поздние времена уже обращались к ней, как к мужскому божеству, и вместе с ней в своих молитвах призывали и мать ее. Отсюда можно заключить, что слово *кепе*, как и *киреметь*, появилось в отдаленные матриархальные времена еще в среде местных доисторических племен, вошедших частично в этнический состав и чувашской и финских народностей.

4. Некоторые фонетические особенности современного чувашского языка нам хочется также объяснить как пережиточное наследие от первичных этнических групп, составивших подоснову чувашской народности. Например, типичное для чувашского консонантизма отсутствие звонких шумных согласных в абсолютном начале слова, в абсолютном конце слова и перед всеми согласными — явление, имеющее характер глубокой древности, мы склонны отнести к добулгарскому периоду развития чувашского языка. Возможно даже, что в ту эпоху в чувашском языке шумные звонкие отсутствовали во всех позициях слова. Слабая озвонченность их в двух положениях, а именно между двумя гласными и между сонорными и гласными, явление, сильно усилившееся в последние 30 лет, повидимому, могло возникнуть в чувашском языке только через несколько времени после окончательного смешения их с булгарами.

¹⁶ См. V. Wichmann. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. MSFOu, XXI, 1903; M. Räsänen, Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen MSFOu, XLVIII, 1920.

5. Совпадение в современном чувашском языке дательного и винительного определенного падежей, не наблюдаемое в наше время ни в одном из тюркских языков, повидимому, представляет здесь также пережиток древнего нетюркского элемента в языке. Эта особенность свойственна языкам на более ранних стадиях развития, она, между прочим, известна в древнеисландском и пережиточно продолжает существовать в современном грузинском языке.

6. Благодарный материал для историка и этнографа представляют названия чувашских селений и урочищ. Некоторые селения известны здесь под тремя названиями, большинство под двумя, только немногие под одним названием. Три названия—это отложения трех социально-политических периодов исторической жизни чувашей. Одно из этих названий, в большинстве случаев теперь непонятное для нас, восходит к добулгарскому времени, и в булгарское время, повидимому, оставалось без изменения. Второе название присвоено было в период Казанского ханства по имени владельца или наместника данной области. С приходом русских и построением церкви в данном селении последнее получало новое название в зависимости от того, какому церковно-историческому событию или святому посвящалась церковь. Например: добулгарское название *Куснар*, татарское *Байгулово*, русское село *Троицкое* или *Троицкое-тож*, Шенерпуç — Бичурино — Воскресенское-тож, Кёчкей — Тимирчи — село Покровское, Тёмшер — Решетниково, Йёршер — Мартыново, Пърмас — Аттиково, Муркар — Уразметево, Тупах — Тансарино, Кинчер — Янситово, Кёлкеш, Муркаш, Нарваш, Ураваш, Илебар, Ишек, Ишлей, Тимеш, Авруй и т. д. То же нужно сказать и о названиях разных урочищ, они также в преобладающей своей части восходят к добулгарскому времени и получили свое название от доисторических племен, составивших этническую подоснову чувашской народности. Слова эти давно утратили свое вещественное значение. Например: реки Çявал — Цивиль, Выла, Шутнер, Пёчер, Ара, Унка (произносится Унга), ключи: Упуй (Убуй), Паташ и т. д.

Вообще на территории Чувашии много селений и урочищ с добулгарскими названиями. Из указанных топонимических названий слова на *-мас*, *-мес*: Тёрлемес, Ителмес, Пърмас, Кашмас Туға и др., на *-гаш*, *-геш*, *-ваш*, *-ваш*: Алгаш, Тигеш, Кёлгеш, Кушлаваш, Яваш, Нарваш и др.—мы склонны считать древнейшими племенными названиями чувашей. Имена с аналогичным аффиксом имеются и в удмуртском языке, где, например, *калмес* является названием отдельного племени удмуртов в отличие от другого племени — *ватка*. Наличие аффикса *-мас* в некоторых племенных названиях подтверждает и хорошо известное нам племенное название *сармъс* (мари). Аффикс же *-кар* в словах Шупашкар, Муркар, Шошкар и др. восходит к названию населенного пункта, селения, города, а предшествующая ему часть слова — к названию племени или рода.

Аналогичные названия селений, рек и озер, в большом числе встречающиеся и у восточных финнов, особенно у марийцев, подтверждают наше предположение о том, что одни и те же доисторические племена, в силу ли местных географических условий или вследствие покорения, в одной своей части вошли в этнический состав чувашской народности, а в другой — в состав восточнофинских народностей.

Топонимия населенных пунктов, рек и озер, как мы видели, является одним из важнейших источников для изучения прошлых судеб народов, особенно при отсутствии других письменных источников. Приходится сожалеть, что чувашская топонимика не нашла себе исследователя.

7. Что касается чувашской ономастики, то она тоже может несколько помочь решению вопросов этногенеза чувашей. В. К. Магницким

зарегистрировано 10587 чувашских языческих имен¹⁷. По нашему мнению, одни из этих имен восходят к добулгарским племенным и родовым названиям чувашей и в виде фамилий (тавраш) сохранились до настоящего времени. Другие, видимо, появились в булгарское время и в период Казанского ханства, а третьи представляют собой заимствованные от русских христианские имена с небольшими фонетическими изменениями.

К добулгарскому времени мы склонны отнести имена:

а) на *-мас, -мес*: Арзамас, Атмас, Сармас, Иремес, Ирчмес и др.

б) на *-гаш, -геш*: Алгаш, Олгаш, Тайгаш, Иленгеш, Тигеш, Тюгеш и др.

в) на *-ман, -мен, -ван*: Араман (ср. авестийско-иранское Ариман < Ангро-Майню), Арзаман (ср. эрзя), Кузман, Ахтаман, Ильмень (ср. озеро Ильмень), Эльмень, Альмень, Севан, Селиван и др.

г) на *-мар, -мер, -дер*: Самар, Самарка, Идимер, Кизимер, Ендимер, Семендер, Имендер, Ишедерь, Сюдарь и др.

д) на *-мат, -мет*: Ахмат, Самат, Сурмат, Сармет, Ирметь, Кальметь, Карметь, Ильметь, Шеметь, Семеть, Кнеметь и др.

Не приходится сомневаться, что имена эти первоначально являлись названиями добулгарских чувашских племен и родов. Возьмем хотя бы имена на *-мар, -мер, -мат, -мет*. Например, мы хорошо знаем с этим аффиксом древних шумеров, финское племя *меря*, современную народность *мари*, а также исторических *сарматов*, известных со II в. до н. э. С последним племенным названием несколько созвучны наши имена Сармет, Сурмат и название злого духа Киреметь. Упомянутое выше Кнеметь частично напоминает нам древнерусское *къметь*, восходящее к доисторическому времени.

В списке древних чувашских имен большой интерес представляют имена: Кострома, Кострумша, Литва, Литвей, Литвин, Калуга, Калук, Разан (ср. Рязань), Разаней, Арзамас, Менделей, Смерт (ср. древнерусск. смердь), Хорс, Хорсак, Хорсей, Ахила, Ахилка, Ахилыч, Баск, Балахна, Иберка и т. д. Трудно поверить, чтобы эти имена заимствованы были чувашами от русских в последнее время. Скорее можно предполагать, что они в чувашском, как и в русском языке, восходят к глубокой доисторической старине.

Мне кажется, что имеющиеся в книге Магницкого чувашские имена *Аргибей, Архипей* можно связать с геродотовскими архиппеями. Тогда с некоторой вероятностью можно заключить, что в первоначальный этнический состав чувашской народности вошли и древние архиппеи, хотя не исключена здесь возможность случайного звукового совпадения указанных имен.

В числе зарегистрированных чувашских языческих имен имеются также имена Булгар, Савир, Савирка, Саврик, Саврила, Чуваш, Канга (печенег?), Ахван (вм. Агван), Аварин, Авер, Козар, Хосар, Касар и др. Эти имена также заслуживают серьезного внимания при решении вопросов, относящихся к этническому составу чувашской народности. Указанные имена, счастливо пережив многие столетия, пронесли для нас историческую истину о том, что древние булгары, с которыми по приходе их на Волгу произошло массовое смешение местных чувашских племен, представляли очень сложную в этническом отношении группу. В этногонии их принимали участие и савиры, и кангюи, и агванцы, и авары, и хазары, и гунны и др. Отсюда приобретает особый интерес и глубокий смысл заявление Т. А. Трофимовой, сделанное ею в докладе, что „чувашаи по своему

¹⁷ См. В. К. Магницкий, Чувашские языческие имена. Казань, 1905. Отд. отт. из журн. «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXI.

антропологическому составу — народ сильно смешанный, состоящий из различных европеоидных и монголоидных типов и их смешанных форм¹⁸.

8. Доисторическую частичную этническую общность чувашей и восточных славян трудно отрицать. Об этом говорят и некоторые языковые данные. В чувашском и русском языках имеются общие слова древнего происхождения, повидимому, унаследованные от доисторических племен, вошедших частично в этнический состав и чувашского и восточнославянских народов. Сюда относятся: чув. *вирём* — обряд (праздник), связанный с проводами в могилу пришедших в калам кун мертвецов, изгнанием духов, насылающих болезни, очищением себя от злых духов прыганием через огонь, русск. верба и суеверные обычаи, связанные с праздником вербного воскресенья; *кавраç* (кавар + йавåç) — яшень, русск. явор (случай древнего чередования звуков *к* и *й* имеются в чувашском языке); *хана-вёрле* — гости в собирательном значении (*вёрле* — первоначально коллектив, общество, здесь придает слову *хана* собирательное значение), древнерусск. *вьрвь* — семейная община, позднее поземельная община; чув. *сенкё*, *шанкå* — хворост, древнерусск. с *ж* *къ* и др.

Имевшиеся в числе чувашских языческих имен указанные выше имена Ильмень, Кнеметь (ср. *къметь?*), Смерт (ср. *смердъ*), Кострома, Хорс (скифское?), Ериле (ср. Ярила) и название трех селений *Шемертен* (ср. русск. Смердино) также красноречиво говорят о том, что из доисторических племен, имевших в своей лексике эти слова, одни вошли в состав чувашской народности, а другие — в состав русской.

Чувашские языковые материалы частично подтверждают также доисторические встречи чувашей со скифо-сарматским миром. Например, в скифском языке мы имеем *тан*, дан в значении воды, реки: слова *Дон*, *Дан-уб*, *Тан-аис* — это скифские названия рек; в чувашском языке *тан* — вода, появляющаяся весной и осенью на льду рек и озер.

О древнейших связях чувашей со скифами говорит отчасти и целевшее от старых времен чувашское слово *асар-писер* — демоническое существо, страшный на вид, бешеный. Оно имеется и в некоторых финских языках: в эрз. *азоро*, *мокш.* *азыр* — властитель, господин, хозяин, в удм. *узыр* — господин, божество. Повидимому, слово это иранское, восходящее к авестийской форме *ahuga* или санскритской *asuga* — демон(?). В указанные поволжские языки оно могло проникнуть через скифов.

В чувашском фольклоре имеется прямое указание на то, что „скутавы“, „шкудавы“, т. е. скифы, научили их устраивать в домах двери и окна. По просьбе оклеветанной сестрами и заключенной в трехстенный сруб ханской жены проезжие торговые скифы (скутавы) в первый раз прорубили ей дверь и окна, а во второй раз устроили ей крыльцо. Знаменательно и то, что в позднейших вариантах этой сказки вместо *шкудавов* выступают уже русские.

Таким образом, чувашский народ формировался и язык его вырабатывался на нынешней территории в течении многих столетий в процессе взаимодействия различных этнических и культурных элементов. Первоначально, быть может до нашей эры, в период абашевской культуры, происходило смешение доисторических разноязычных местных племен, с охотничьим и рыболовным типом хозяйства, и несколько позднее осевших здесь тюрков-скотоводов, давшее в результате этническую подоснову чувашской народности. Потом, с приходом на Волгу более культурных болгар-тюрков начинается тесное сближение чуваш-

¹⁸ Т. А. Трофимова, Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей (см. настоящий номер журнала).

шей с булгарами, особенно с отдельным племенем их — суварами, вместе с которыми они образуют крупное племенное объединение с главным городом Сувар и даже с чеканкой своей монеты. После же завоевания Булгарского царства монголо-татарами (1236) и окончательного разорения его Булат Тимуром (1361 г.) часть болгар, преимущественно сельское языческое население, переходит к родственным чувашам, другая, главным образом городская, мусульманская часть объединяется в отдельную народность и позднее составляет основное ядро населения Казанского ханства.

В период татарского ханства чувашский народ испытывал тяжелое угнетение со стороны татарской администрации и духовенства. Пропаганда ислама была настолько велика, что целые чувашские селения переходили в мусульманство и „отатаривались“. Например, в Арском районе не осталось ни одного селения с чувашским населением. Стремление к татаризации чувашей было со стороны мулл и отчасти администрации настолько велико, что оно угрожало самому существованию чувашской народности. Но, к счастью, приход русских во-время остановил это движение.

Татарский хан с установленным им административным строем сильно импонировал чувашам. Все порядки и церемонии ханского двора они перенесли на своих богов и стали представлять их в виде важного хана и разных чиновников, окружающих, сопровождающих его и прислуживающих ему. Например: тавам ыра — добрый дух, заседающий в диване (государственное учреждение, судебный трибунал), хум кёрекещё — кравчий хана, тавам сўретекен — дух, ведущий дела дивана, мән турра алак усақан — отворяющий двери жилища божия, чёлпёр тытса сўрен ыра — дух, ведущий за повод (лошадь того или иного бога), и т. д. Последние названия явно заимствованы из торжественно обставленных выездов хана¹⁹. Празднование пятницы, продолжавшееся у чувашей вплоть до XX в., также началось, вероятно, в период татарского ханства.

Из позднейших этнических элементов, влившихся частично в состав чувашской народности, нужно указать локальные скрещения верховых чувашей с горными марийцами. В настоящее время в Чувашии имеется до десятка селений с наименованием „Ҷармӑс“ (черемисы): Туҫи Ҷармӑс, Хураӑнсур Ҷармӑс, Чӑваш-Ҷармӑс, Ҷармӑскасси или просто Ҷармӑс. Все эти селения чувашские, ни одного марийца в них нет. Предание гласит, что некогда здесь жили марийцы, что они потом слились с чувашами. Культурные взаимодействия между чувашами и марийцами, имевшие некогда место, не остались без последствий. Они сказались в повседневном быту их: в одежде, обуви, в домашней обстановке и пр. Местами и антропологический тип чувашей одинаков с марийским.

Своим культурным подьемом чувашаи всецело обязаны великому русскому народу. Прогрессивное влияние передовой русской культуры на чувашей начинается с древнейших времен. В чувашском языке мы находим слова *кӑмпа* — гриб, *кӑнчеле* — сверток очищенной кудели, приготовленной для пряжи. Слова эти, вне всякого сомнения, проникли сюда от восточных славян раньше X в., когда у последних в языке еще были носовые гласные юс большой и юс малый. Ср. гҗба, кҗдель. И в последующие времена не прекращался приток новых русских слов в чувашский язык в связи с широким культурным воздействием русских на чувашей. Хотя чувашаи, повидимому, очень рано оставили кочевой быт и, осев на постоянных местах

¹⁹ Н. В. Никольский, Этнографический очерк Милюковича, писателя конца XVIII в., о чувашах. Отд. оттиск из журн., «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXI, вып. 4, 1905; Н. И. Ашмарин, Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш, «Известия Северо-вост. археол. и этнограф. ин-та», т. II, Казань.

жительства, занялись земледелием, но все же применением более рациональных приемов в области сельского хозяйства они обязаны были русским. Например, основное земледельческое орудие соха (чув. *суха*, *сухапуç*) переходит к ним от русских довольно рано, возможно даже в болгарский период или немного позднее, так как их примитивный плуг (ака, *акапуç*) более пригоден был для поднятия нови. Вероятно, в эту же эпоху, если только не раньше, чувашаи научаются от русских возделывать озимую рожь (ср. чувашское название ее *ыраш*). Раньше у них излюбленными культурами были только яровые культуры: полба — *пăри*, пшеница — *тула*, ячмень — *урпа*, горох — *парça* и др. Название крупы — *кёрпе* у чувашей также русское. Система овинной сушки снопов чувашами перенята также от русских (ср. слова *аван* — овин, *аван карти*, *анкарти* — гумно).

И в области пчеловодства русские явились учителями чувашей. Они раньше оставили первобытную бортевую систему и перешли к более усовершенствованным приемам разведения пчел — к применению переносных колодных ульев и пасечной системе. Об этом красноречиво говорят чувашские слова *вёлле*, *утар* (= удар) — пасека, представляющие собой очувашенные названия русских слов улей и неизвестного теперь одр — примост к дереву в лесу, куда ставили ульи-колоды²⁰. Из музыкальных инструментов гусли — *кёсле*, несомненно, перешли к чувашам от русских.

О восприятии русских слов в позднейшие периоды истории чувашей, с момента присоединения к русскому государству и особенно после Великой Октябрьской социалистической революции и не приходится говорить. Мы не найдем ни одной отрасли хозяйства, где бы не чувствовалось влияние передовой русской культуры. Благодаря последовательному проведению партией и правительством ленинско-сталинской национальной политики чувашский народ входит равноправным членом в содружество народов Советского Союза и строит свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию. За последние 30 лет в условиях советской власти Чувашия сделала большие достижения в области социалистического переустройства своего хозяйства, своей культуры, быта, а также в отношении перестройки общественного сознания. В настоящее время Чувашия уверенно идет вперед к светлому коммунистическому будущему.

²⁰ Д а л ь. Словарь, П., 3-е изд., стр. 1686.

М. Н. ТИХОМИРОВ

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЧУВАШИИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

История присоединения Чувашии к России почти не изучена, хотя она имеет большой и принципиальный интерес для истории СССР. Чуваши были первым крупным по численности народом, вошедшим в состав Русского государства в середине XVI в., если не считать коми-зырян и некоторых других малочисленных народов Севера. Таким образом, присоединение чувашей к России положило начало появлению на Востоке обширного многонационального государства. «И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народов, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство»¹. Таким смешанным государством, состоявшим из нескольких народов, сделалось и Русское государство с середины XVI в., после присоединения к нему областей Среднего Поволжья, населенных чувашами, татарами, марийцами, удмуртами и мордвой.

В момент присоединения чувашей к России внутренние экономические связи в среде самих чувашей были слабыми, у чувашей не существовало своего государства, и они подчинялись вместе с другими народами Среднего Поволжья Казанскому ханству. Даже национальное имя чувашей не было известно соседним народам, которые знали чувашей под собирательным именем «черемисов». К условиям, при которых произошло присоединение Чувашии к России, вполне применимы слова И. В. Сталина о появлении многонациональных государств на востоке Европы: «Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации»². Присоединение Чувашии к России произошло в момент ожесточенной борьбы Русского государства с Казанским ханством, которое господствовало над «горной стороной» Волги, где жил чувашский народ. Но в этой борьбе чувашаи принимали только подчиненное участие, так как в Казанском ханстве чувашаи занимали положение одной из «оттертых на задний план национальностей». На смену татарским феодалам, оседавшим в Чувашии, пришли русские помещики. «В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию»³.

¹ И. Сталин, Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе, Соч., т. 5, стр. 34.

² И. Сталин, Соч., т. 2, стр. 304.

³ Там же.

1

Трудность изучения истории чувашского народа заключается в поразительной скудости источников, говорящих о чувашах. Само имя чувашей становится впервые известным в русских источниках с 1521 г. До этого времени чувашаи выступают перед нами под другими именами, чаще всего под именем черемисов, иногда бургасов и мордвы. А между тем нет никакого сомнения в том, что чувашаи жили на занимаемой ими территории с давних времен, в непосредственном соседстве с русскими. Поэтому есть все основания предполагать, что сношения русских с чувшами начались с очень раннего времени, по крайней мере с IX в.

Так, уже Начальная летопись указывает в числе соседей Русской земли «черемисов» («черемись» или «черемиса»), отмечая, что они говорили на своем языке. Впоследствии под именем черемисов на Руси были известны не только чувашаи, но также марийцы и удмурты. Однако Начальная летопись под черемисами, повидимому, понимала именно чувашей, так как называет их в непосредственной связи с мордвой и муромой⁴. Знает черемисов и Слово о погибели Русской земли, помещая их между бургасами и мордвой. По Слово о погибели Русской земли, «бургасы, черемисы, вада и мордва» были данниками русских князей, боргничали на них, т. е. платили им дань медом и воском»⁵. И в этом источнике под черемисами или под бургасами надо понимать в первую очередь чувашей.

После основания Нижнего Новгорода (в 1221 г.) и продвижения границы русских поселений к реке Сура чувашаи вошли в непосредственное соседство с русскими, так как чувашские поселения издавна примыкали к нижнему течению Суры. По статистическим сведениям о расселении чувашей, относящимся ко второй половине XIX в., из общей цифры в 539 тыс. чувашей, живших в России, почти половина (256 тыс.) приходилась на уезды Ядринский (100 тыс.), Цивильский (98 тыс.), Чебоксарский (58 тыс.)⁶. Кроме того, чувашаи составляли заметную группу населения в Курмышском уезде, расположенном в непосредственном соседстве с Ядринским на нижнем течении Суры. В Курмышском уезде насчитывалось 23 тыс. чувашей, которые занимали «сплошные пространства на правой стороне Суры, сопредельно с Цивильским уездом, и жили в 96 селениях»⁷. Замечательнее всего, что в том же Курмышском уезде в указанное время насчитывалось всего лишь 4 тыс. мордвы, хотя Курмышский уезд в нашей исторической литературе считается обычно мордовским. Следовательно, в XIX в. примерной границей чувашских поселений на западе надо считать нижнее течение Суры. Нет никаких оснований предполагать, что статистические сведения о чувашах второй половины XIX в. не могут быть приложимы к более раннему времени, так как известия XVI в. прямо указывают на то, что чувашаи жили за Сурой, имея своим основным центром реку Цивиль.

В XIV в. русские поселения стали продвигаться на юг и восток от Нижнего Новгорода, в бассейны Суры и ее притока Пьяны, следовательно, стали приближаться непосредственно к границам Чувашии. Нижегородскому князю Константину Васильевичу приписывается заселение бассейна Кудьмы, правого притока Волги, откуда была вытесне-

⁴ «А по Оце реце, пде втечеть в Волгу, Мурома язык свой, и Черемиса свой язык, Мордва свой язык». Различные варианты слова: черемиси, черемиса, черемись (Летопись по Лаврентьевскому списку, СПб., 1872, стр. 10).

⁵ Н. Серебрянский, Древнерусские жития святых, приложения, стр. 109.

⁶ П. Семенов, Географическо-статистический словарь Российской империи, т. V, СПб., 1885, стр. 726.

⁷ Там же, т. II, СПб., 1865, стр. 864.

на мордва. Князь «повеле русским людям селиться по Оке и по Волге и по Кудьме рекам и на мордовских селищах, где кто похощет»⁸. При сыне его Борисе русские села появились еще далее на востоке в бассейне реки Сундовика. Об этом узнаем из летописного известия о набеге ордынского князя Булак Тимура, который в 1367 г. «пограби уезд даже и до Волги и до Сундовити и села княжи Борисовы»⁹. Летописец не сообщает, о каком уезде идет речь, но указание на Волгу и реку Сундовить позволяет думать, что речь идет о Нижегородском уезде, так как река Сундовик, правый приток Волги, течет с юга на север и впадает в Волгу у села Лыскова¹⁰.

При знакомстве с топографией Среднего Поволжья становится вполне понятным и направление русской колонизации. Русские села на севере непосредственно прилегали к Волге, имея границей на востоке сперва реку Кудьму, позже Сундовик как защиту от набегов татар и мордвы.

Разорение сел по Сундовику не могло задержать дальнейшее русское продвижение на восток, которое было закреплено в 1372 г. построением Курмыша на Суре. По летописи, «князь Борис Константинович постави себе город на реце на Суре и нарече имя ему Курмышь»¹¹. Этот город возник на месте мордовского или чувашского поселения, так как на мордовском языке слово «курмыш» обозначает деревню. К этому времени, когда нижегородские князья прочно осели на нижнем течении Суры, относится и утверждение русского феодального землевладения, в первую очередь церковного, в стране чувашей. Строитель нового города на Суре подарил Благовещенскому монастырю в Нижнем Новгороде «все озера от речки от Курмышки вниз Сурою, источники и глухие, и роздerti и заводи и пески, и с падучими реками, и бобровые гоны, и стрезен по реку Волгу»¹². Тогда же в этом районе появились владения крупных русских землевладельцев, один из которых в 1399 г. отдал свою пустошь по речке Килюлсурме в Курмышском уезде тому же монастырю¹³.

Русское продвижение на восток не могло, естественно, происходить беспрепятственно и наталкивалось на ожесточенное сопротивление мордвы. Тем более неожиданным представляется нам отсутствие указаний на столкновения русских с чувашами, поселения которых, как мы видели, начинались тотчас же за Сурой. Отсутствие таких указаний отчасти может быть объяснено тем, что русские летописи смешивали чувашей с мордвой, как это иногда делалось и в более позднее время. В это время в Мордовской земле возникло уже феодальное татарское княжество с центром в Наручади. Попытку основать такое же княжество в Среднем Поволжье во время внутренних междоусобиц в Золотой Орде сделал ордынский князь Булак Тимур. В 1361 г. он занял Болгары «и все города по Волзе и улусы и отня весь Волжеский путь»¹⁴. Следовательно, под власть Булак Тимура подпала территория Чувашии и Мордвы, примыкавшая к волжскому пути. Этим объясняется набег Булак Тимура на русские села по Сундовику в 1367 г., о чем говорилось выше. За Сурой и ее притоком Пьяной начинались мордовские земли, подчинявшиеся непосредственно князьям Золотой Орды. Поэтому возобновившаяся борьба русских князей с мордвой привела к

⁸ Нижегородский летописец, Изд. Гагисского, стр. 2—3.

⁹ Полное собрание русских летописей (далее цитируется как ПСРЛ), т. XVIII, стр. 106.

¹⁰ Так полагает и А. Е. Пресняков (Образование великорусского государства, Петроград, 1920, стр. 272, прим. 2).

¹¹ ПСРЛ, XVIII, стр. 112.

¹² Акты Археографической экспедиции, т. 1, № 12, стр. 7.

¹³ Макарий, Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния, СПб. 1857, стр. 153—154.

¹⁴ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 101.

новому ордынскому набегу на русские земли под начальством царевича Арабшаха (Арабши) и несчастной для русских битвы 1377 г. на реке Пьяне¹⁵.

Повидимому, река Сура на длительное время сделалась границей русских и чувашских поселений. Отсутствие же указаний на враждебные отношения русских с чувашами свидетельствует, по крайней мере, о том, что особого обострения между русскими и чувашами не было. Во всяком случае летописный рассказ о походе русской судовой рати на Казань в 1469 г. не упоминает о каких-либо враждебных выступлениях чувашей, хотя русское войско останавливалось на ночевку «на Чебоксари»¹⁶, повидимому, у одного из чувашских городков или поселений на Волге, где впоследствии возник город Чебоксары.

Образовавшееся в первой половине XV в. обширное Казанское ханство подчинило своему господству почти все Среднее Поволжье. В его состав вошла и «горная сторона» Волги, населенная в основном чувашами и мордвой. Поэтому история чувашей в XV и первой половине XVI в. тесно связана с историей Казанского ханства. К этому времени относятся и первые письменные известия о чувашах, сперва еще называемых общим именем черемисов, а позже появляющихся под своим национальным именем или под названием «горных людей». Это дает нам возможность глубже заглянуть в хозяйственный и общественный быт чувашей накануне их присоединения к России.

2

Горная сторона Волги, которая была населена чувашами, представляла собой обширную и малодоступную область, изрезанную глубокими оврагами, рывтинами, речными долинами и холмами. Громадные смешанные леса, остатки которых сохранились до нашего времени, перемежались здесь с открытыми участками нераспаханной девственной степи, «дикими полями», как их образно называют русские сочинения XVI в. Чуваши жили здесь в оврагах и долинах, «промеж великих гор, по удолиям»¹⁷. Основным занятием их давно уже стало хлебопашество и скотоводство. «Землепашцы и трудницы», — так характеризует Казанский летописец занятия жителей на горном и луговом берегах Волги, в отличие от другой группы — «черемисы», жившей по Ветлуге и Кокшаге, которые «не сеют, не пашут, но промышляют звериною и рыбною ловлею»¹⁸. Князь Курбский в своем рассказе о походе на Казань подчеркивает резкую разницу между глухими мордовскими лесами и Чувашией. В мордовских лесах и на великом диком поле русские войска шли «с нуждою мноюю», питаюсь рыбой и звериной. Совсем иное встретили русские войска после переправы через Суру, когда им навстречу стала приходиться «черемиса горняя, а по их чуваша зовомые, язык особый»¹⁹. Черемисский хлеб показался Курбскому вкуснее дорогих калачей. «И ту уже нам привожено и по странам езда добывано купити хлеба и скотов. Аще и зело дорого плачено. Но нам было,

¹⁵ В очень интересной и содержательной статье Х. Г. Гимади. «Народы Среднего Поволжья, в период господства Золотой Орды» (Материалы по истории Татарии, вып. 1, Казань, 1948, стр. 213, прим.) Булак Тимур считается разорителем Булгар, хотя летописное слово «зая», т. е. занял, не дает для этого основания. Наоборот, можно говорить о том, что Булак Тимур сделал попытку основать свое княжество, опираясь на старую государственность Великих Болгар, являясь в этом отношении предшественником основателей Казанского ханства.

¹⁶ ПСРЛ, XVIII, стр. 221.

¹⁷ ПСРЛ, XIX, стр. 60 и 304.

¹⁸ ПСРЛ, XIX, стр. 60.

¹⁹ А. М. Курбский, История о великом князе Московском, СПб., 1913, стр. 17—18:

яко изнемоглым от гладу, благодарно»,— вспоминает о чувашском хлебе тот же Курбский.

О том, что «черемиса и мордва» продавала проходящим русским войскам «хлеб и мед и говяды», рассказывает и Царственная книга, отмечая, что царское войско на всем своем пути от Мурома к Свяжскому не имело недостатка в припасах. Путь же русских войск, после их соединения у Борончеева городища на Суре, проходил в основном по территории, населенной чувашами²⁰.

Вскоре же после завоевания Казани все земли, принадлежавшие на горной стороне Волги казанскому хану и его князьям, были разделены,— «и пахати учили на государя и на все русские люди и на новокрещены и на чувашу»²¹. Писцовые книги Свяжского уезда за 1565—1567 гг. рисуют перед нами картину уже вполне установившегося чувашского земледельческого хозяйства. К каждой чувашской деревне были приписаны пашня и луга, которую иногда чуваша пахали «смесь по полосам» с соседнею мордвой или посаженными на землю русскими полоняниками. Что такой порядок восходил к очень давнему времени, видно из ссылок на более ранние годы, предшествовавшие взятию Казани. Например, в писцовой книге находим указание на порозжую землю в татарской и чувашской деревне Нурдулатове, «что была царевская Магмед Аминовская». «Да в той же деревне порозжая ж земля, что была мордовская, а пахали преже сего те обои земли, цареву и мордовскую, с татарскими и чувашскими землями смесь по полосам»²². Ссылка на Магмед Аминя ведет нас к концу XV — началу XVI в., когда жил этот казанский царь.

Некоторые пахотные земли чуваша обрабатывали наездом. Особо упоминаются луга, которые принадлежали чувашским деревням. Все это в достаточной мере убеждает в том, что чуваша действительно богаты «хлебом и говядой»²³, как об этом говорит Царственная книга. Впрочем, постоянное упоминание в писцовых книгах о «диком поле», приписанном к той или иной деревне в Свяжском уезде, показывает, что и после завоевания Казани на горной стороне пустовало немало земель, годных для пашни. Даже во второй половине XVI в. наряду с земледелием и скотоводством в хозяйстве чувашей немалую роль имели бортничество, охота и рыбная ловля. Чуваша славились как отличные стрелки из лука и охотники. Кроме того, Чувашия еще в начале XVI в. славились своими пушными богатствами, в особенности беличьими шкурками, наравне с Пермью и Вяткой. Герберштейн особо отмечает, что «чуваша отличаются и знанием судоходства»²⁴. Чуваша жили отдельными поселениями, которые стояли в укромных местах и едва были заметны даже для тех, кто близко от них проходил. По выражению Курбского, чувашские деревни «при великих крепостях ставлены и незримы, аще и поблизку ходящим». Выражение «при великих крепостях» не вполне понятно; неясно, идет ли речь об укромных местах, где скрывались чувашские деревни, или о городищах, местах, в настоящем смысле этого слова. Кажется, что первое понимание приведенного выражения более правдоподобно. «В тех местах николи воинские люди не бывали, пришли крепости и лесные места»,— говорится о рязанцах, спасавшихся от крымского набега²⁵.

²⁰ См. Л. Г. Бескровный, Атлас карт и схем по русской военной истории, Воениздат, 1946, л. 10, схема похода на Казань в 1552 г.

²¹ ПСРЛ, XX, стр. 583.

²² Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда 1565—1567 гг., Казань, 1909, стр. 104.

²³ Там же, стр. 98, 102 и пр.

²⁴ Барон Сигизмунд Герберштейн, Записки о Московитских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Малейна, стр. 95 и 145.

²⁵ Н. М. Карамзин, История Государства Российского, т. IX, СПб., 1921, прим. 122 (в приложении, стр. 40).

Среди чувашей уже выделялась собственная знать, так называемые в летописи сотные и десятные князья, являвшиеся представителями чувашей в переговорах с московским правительством²⁶. Под сотными и десятными князьями надо понимать местных чувашских старшин, поэтому в перечислении людей Казанского ханства, от имени которых казанские послы вели переговоры с московским правительством, сотных и десятных князей мы не найдем²⁷. Что дело обстояло именно таким образом, видно из слов Казанского летописца о «старейшинах и сотниках» горной черемисы, в отличие от казанских князей и мурз: «и приидоша з дари и обославшесе старейшины и сотники горныя черемиса, и моляху царю и воеводам, еже не воевати их, князем бо и мурзам их оставльше их и в Казань в осаду бежавшим»²⁸. После бегства татарских князей и мурз в Казань представителями горных людей явились их старшины и сотники («сотные князья»).

Процесс феодализации Чувашии ускорялся ее близостью к Татарии, где феодальные отношения были уже развиты. Казанские феодалы оседали в различных местах горной стороны, в том числе и в Чувашии, обзаводясь здесь крупными земельными владениями. Это и были те князья и мурзы, которые бросали свои земли и бежали в Казань от русских войск. Нет никакого сомнения, что некоторые чувашские старшины принимали ислам и быстро татаризировались, вступая в ряды казанской знати. Яркую картину феодального землевладения найдем на горной стороне, например в Свяжском уезде, который имел смешанное население и непосредственно примыкал к Казани. По нижнему течению Свяги среди чувашских и мордовских деревень были разбросаны владения татарских князей, перешедшие после завоевания Казани к русским служилым людям. Так, в писцовых книгах Свяжского уезда названы деревни «изменника Девлизера, села — Бурнашево, Муратово, Муралеево»²⁹. Имена владельцев этих селений, как и многих других, найдем в числе казанских феодалов середины XVI в. Изменник Девлизер — это тот Девлетжер, который был послом казанского царя к Ивану Грозному; князь Бурнаш постоянно упоминается нашими документами середины XVI столетия. Муралеева полата и сам Муралей хорошо известны русским летописям³⁰. Изучение названий чувашских сел и деревень в сопоставлении с известиями русских летописей и других документов, вероятно, установит картину распространения в Чувашии татарского землевладения во время самостоятельности Казанского ханства. Во всяком случае поразительные совпадения названий ряда сел и деревень в Чувашии с родовыми и личными именами казанских феодалов XVI в. служат и сейчас бесспорным доказательством распространения татарского крупного и мелкого землевладения в Чувашии.

Татарские князья, имевшие свои земли на горной стороне Волги, вынуждены были особенно считаться с близостью их земель к Русскому государству. После основания Свяжска татарские князья, владевшие землями в его окрестностях, тотчас же принесли присягу московскому царю. Среди таких князей («князи, которые живут на Свяге») отмечены Чапкун и Бурмаш³¹. По имени последнего называлось несколько сел, известных на Свяге под названием Великого и Малого Бурнашева. Горная сторона Волги, населенная в основном чувашами и мордвой,

²⁶ ПСРЛ, XX, стр. 482.

²⁷ См. в ПСРЛ, XX, стр. 484, челобитную грамоту Казанской земли от «Кудайгула улана в головах».

²⁸ ПСРЛ, XIX, стр. 63.

²⁹ Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда 1565—1567 гг., стр. 68, 89, 94, 141 и пр.

³⁰ ПСРЛ, XX, стр. 478 (Девлетжер), стр. 468, 480, 490, 491, 492, 596 (кн. Бурнаш), и пр.

³¹ ПСРЛ, XXII, стр. 490.

а у волжских берегов марийцами, была связана с Казанским ханством гораздо слабее, чем области на луговой стороне Волги, непосредственно примыкавшие к Казани и населенные татарами, вперемежку с чувашами и марийцами. На горной стороне Волги татарские феодалы были пришлым элементом, и их господство было очень тяжелым для чувашей и других народов, подвластных Казанскому ханству.

Воспоминание о положении чувашей под господством татарских феодалов находим в народных преданиях чувашей. Таково, например, предание об Уразмеде, который попал в плен к казанскому царю и заслужил его милость. «За свою храбрость,— рассказывает предание,— он получил от царя поручение собирать кочующие народы. Жил Уразмедь в Чебоксарском уезде, в деревне Уразмедовой, которая от него и имя получила... Обязанность Уразмедя состояла в том, что он должен был собирать с народа подать и предоставлять царю, а также представлять ему девиц, которых он захватывал силой; за это народ не взлюбил Уразмедя и царя»³². О набегах и грабежах татарских феодалов говорят и другие чувашские предания. Они называют и народных чувашских героев, боровшихся с насильниками. Таков был чуваш Сарый, который «слылся между своими соплеменниками храбрым богатырем, был паттар». В предании о Сарые рассказывается о борьбе Сарыя против неслыханного сбора ясака в казну казанского царя, против грабежа чувашского населения и увода в плен чувашских женщин³³. Таких преданий о грабительском собирании ясака татарскими феодалами сохранилось немало, и они достаточно говорят нам о том тяжелом положении, в котором находились чувашаи под властью Казанского ханства.

Но у нас имеются не только поздние предания, но и современные известия, рисующие положение подчиненных народов в Казанском ханстве. Во время осады Казани русскими войсками казанский хан собрал «черемису ближнюю всю многу», т. е. людей, живших по близости от Казани, и заставил ее копать рвы и делать острог около города. Летопись так прямо и пишет о действиях казанского царя: «загна же черемису», не оставляя никакого сомнения в насильственном характере мероприятий казанского царя по отношению к ближней «черемисе»³⁴.

Сбор ясака с горной стороны Волги составлял важную статью поступлений в казну казанского царя. Поэтому хан Шигалей, посаженный на казанский престол из московских рук в 1551 г., очень заботился о том, чтобы царь «его пожаловал, придал ясаков з горные стороны»³⁵. К этому времени ясак с горной стороны поступал уже главным образом деньгами, как это видно из летописных слов об отказе Ивана Грозного отдать в пользу Шигалея хотя бы часть ясака, шедшего с горной стороны: «горные стороны х Казани ни одной денги не отдаывати»³⁶.

Тяжелой повинностью подчиненных народов в Казанском ханстве было участие в военном ополчении, которое собирали казанские ханы для войны с соседями и для набегов на русские окраины. По русским известиям, на горной стороне Волги после ее отпадения от Казани оказалось «40 000 луков гараздых стрельцов»³⁷. Напомним тут же, что Герберштейн также говорит о ловкости чувашей в стрельбе из лука и о большом значении «черемисов» в войске Казанского ханства. Тем не

³² «Известия Казанского общества археологии, истории и этнографии», т. III, 1880—1882 гг., стр. 288—289.

³³ Предание о Сарые известно мне по материалам, предоставленным Чувашским научно-исследовательским институтом языка, истории и литературы, за что автор приносит благодарность директору Института тов. Григорьеву.

³⁴ ПСРХЛ, XIX, стр. 37.

³⁵ ПСРЛ, XX, стр. 487.

³⁶ Там же, стр. 488.

³⁷ Там же, XIX, стр. 63—64.

мене подчиненное положение в Казанском ханстве чувашей, марийцев и удмуртов, объединяемых под названием «черемисы», очень четко отмечено Казанским летописцем: «простыя земския люди, черемиса нижняя, по русскому же чернь»³⁸. Таким образом, название «черемиса» отождествлялось в Казанском ханстве с понятием простых людей, черни, подчиненной татарским феодалам.

3

В первой половине XVI в. в истории чувашей произошли важные перемены. Повидимому, именно к этому времени относится окончательное утверждение особого национального имени чувашей, которые теперь начинают появляться в русских источниках все чаще и чаще под своим именем, а не под общим именем черемисов, как ранее. Казанский летописец (составленный во второй половине XVI в.) так поясняет, какие народы понимались в его время под названиями «черемисы»: две ведь черемисы были в Казанской области, а языка три, четвертый язык варварский владел ими, — читаем у летописца³⁹. Что это за три черемисских языка, тут же объясняется летописцем. Первый язык — горная черемиса, сидящая по эту сторону Волги, второй — луговая черемиса, живущая по другую сторону той же реки, третья — черемиса Кокшайская и Ветлужская; ими владеет четвертый варварский язык, т. е. татары. Под тремя группами черемисов в данном случае понимаются три народа: чуваша (горная черемиса), марийцы и удмурты.

Само слово чуваша впервые появляется в наших источниках в 1521 г., а не в 1524 г., как это обычно принято считать. В этот год «все князи казанския и татарове и мордва и черемиса и чюваши» изменили великому князю Василию III и прогнали из Казани его ставленника царя Шигалея⁴⁰. Таким образом, чуваша упоминаются как один из народов, входивших в состав Казанского ханства. Таково же и более позднее известие 1524 г., которое ранее признавалось первым известием, называвшим чувашей их национальным именем. В нем рассказывается о битве русских с казанцами на реке Свияге, когда русские войска «многих князей и мурз и татар и черемису и чювашу избиша»⁴¹.

К первой четверти XVI в. относится и первое упоминание о Чувашии как особой стране. Название страны *Schvuuaij* находим у Герберштейна⁴². Если принять во внимание особенности старой латинской орфографии, мы должны признать, что название страны чувашей передано Герберштейном очень точно, примерно в форме: «Чувай». Нет никакого сомнения, что речь идет именно о Чувашии, так как эта страна, по Герберштейну, находилась «недалеко от Казани», а чувашей он считал подчиненными казанскому царю. Нет оснований сомневаться и в точности сведений Герберштейна о народах, соседивших с Россией в первой четверти XVI в., так как эти сведения не были его собственным измышлением, а основывались на достоверных известиях, полученных Герберштейном из осведомленных русских источников. Тем ценнее указание Герберштейна на Чувашию как особую страну и на чувашей как особый народ, ее населявший⁴³.

Одновременное появление в наших источниках названий чувашей и Чувашии нельзя считать чем-то случайным, оно было связано с усилением значения самих чувашей, как одного из наиболее многочисленных

³⁸ ПСРЛ, XIX, стр. 69.

³⁹ «Две бо черемисы бе в Казанской области, а языка три, 4 язык варварской владеяша ими» (ПСРЛ, XIX, стр. 60).

⁴⁰ ПСРЛ, XXIV, стр. 218.

⁴¹ ПСРЛ, VIII, стр. 270.

⁴² Барон Сигизмунд Герберштейн, Указ. раб., стр. 95.

⁴³ Там же, стр. 145.

бяху». Немалое значение имело и то обстоятельство, что горные люди заранее построили мосты для русского войска и служили для него проводниками ⁵⁵.

4

Построение Свияжска было одной из самых замечательных страниц в деятельности Ивана Грозного и русских инженеров XVI в. До сих пор еще повторяется легенда о некоем немчине Розмысле и иностранных инженерах, которые будто бы были организаторами подкопа под стены Казани. В действительности, главными создателями инженерных работ под Казанью были русские инженеры, применявшие подкопы и взрывы задолго до ее осады. Свияжск был также построен русскими руками и под руководством русского инженера дьяка Ивана Выродкова. Место для новой крепости по совету татарских князей, перешедших на сторону московского правительства, было выбрано на Круглой горе поблизости от впадения реки Свияги в Волгу. Деревянный город в виде городских стен и церквей был срублен в Углицком уезде под наблюдением Выродкова и доставлен на речных судах к Свияге вместе с русскими войсками. Русская судовая рать прибыла в Свияжск 24 мая 1551 г. и в тот же день заложила новый город, который был поставлен в четыре недели. Привезенного города хватило только на половину Круглой горы, другая половина была сделана на месте, «велико бо баше место». Таким образом, в непосредственном соседстве с Казанью оказалась мощная русская крепость ⁵⁶.

Построение Свияжска было поворотным моментом в истории русско-казанских отношений, но не могло осуществиться без помощи или, по крайней мере, благожелательного нейтралитета со стороны чувашей, составлявших основную массу населения «горной стороны». В наших летописях отсутствует какое-либо указание на враждебные действия чувашей против русских во время построения Свияжска. Наоборот, русские документы представляют дело так, как будто чувашаи стали бить челом, «видев то, что город царя православного стал в их земле». Но мы видели уже ранее, что горные люди били челом московскому царю еще задолго до построения Свияжска, которое только ускорило присоединение чувашей к Русскому государству.

Вскоре после построения Свияжска в Москву пришли послы «от всее горние стороны, от князей и от мурз и сотных князей и десятных, и чувашей и черемисы и казаков, чтобы государь гнев свой отдал, а велел бы у Свияжского города быти» ⁵⁷. В ответ на посольство государь пожаловал, «взял их к своему Свияжскому городу». Смысл этой фразы заключается в том, что московское правительство признало «горную сторону» самостоятельной областью от Казанского ханства, центром которой сделался новый город Свияжск или Иван город, как его первоначально называли. Между тем такое признание возможно было осуществить только потому, что «горная сторона» в сущности не была татарской, а имела смешанное население, среди которого татары явно отступали на второй план по сравнению с чувашами, марийцами и мордвой. Что царское правительство ориентировалось именно на чувашей, видно из того, что в царском ответе на посольство «горной стороны» на первом месте, как мы это видели, были поставлены чувашаи, а не черемисы, тогда как о татарах даже не упоминается.

Поддержка чувашей и других народов, населявших горную сторону Волги, была обеспечена большими льготами, которые предоставило им

⁵⁵ ПСРЛ, XIII, стр. 496.

⁵⁶ Там же, XX, стр. 480—481.

⁵⁷ Там же, стр. 481.

московское правительство. Важнейшим из них было выполнение просьбы, чтобы «государь в ясаках полегчил». Население горной стороны было освобождено от платежа ясака на три года. Послы горной стороны были осыпаны дарами, а царские пожалования горной стороне подтверждены жалованной грамотой за золотой печатью⁵⁸, после чего горные люди приведены были к присяге на верность царю Ивану. Жалованная грамота горной стороне не сохранилась, но можно предполагать, что одним из ее условий было сохранение за чувашами и другими горными людьми их земель. По крайней мере, и после завоевания Казани бортовые ужожаи в лесах и бобровые гоны оставались во владении только татар, черемисов и чувашей, а не принадлежали русским крестьянам⁵⁹.

Московское правительство не жалело никаких средств для привлечения на свою сторону населения горной стороны. «Горные же люди ездили ко государю во все лето человек по пятисот и по шитсот, а государь их жаловал великим жалованьем, кормил и поил у себя за столом, князей и мырз и сотных казаков жаловал шубами з бархаты з золотом, а иным чуваше и черемисе камчаты и атласные, а молодым однорядки и сукна и шубы белии, а всех государь пожаловал доспехи и конми и деньгами»⁶⁰. Летописец добавляет, что царь жаловал горных людей «паче же своих воинов». Что в данном случае пожалования давались не только или, вернее, не столько татарским феодалам, перешедшим на сторону русского правительства, сколько чувашам, видно из того, что летописец всегда на первом месте упоминает чувашей. Вот эти замечательные места, показывающие истинное значение, какое придавалось русским правительством привлечению на свою сторону в первую очередь чувашей. «И чувашу и черемису и мордву и можаров и тарханов привели к правде», т. е. к присяге. В этом перечислении народов горной стороны, среди которых выделены и тарханы как особая группа населения, впрочем, не этнического порядка, чуваша выступают под своим национальным именем. «И горные люди, чуваша и черемиса, дрогнули и побежали», — читаем далее о неудачном набеге горных людей на Казань. «Чуваше и черемисе» давались дары, говорится далее в рассказе о царских пожалованиях⁶¹. Замечательное всего, что это почетное положение чувашей подчеркивается и в документах, относящихся к самому Казанскому ханству. В челобитной грамоте, поданной Ивану IV от имени Казанского ханства, после длительного перечисления различных казанских чинов названы и народы, подчинившиеся Казани: «и чуваша и черемиса, и мордва и тарханы и можары и вся земля Казанская»⁶². Опять чуваша поставлены на первое место.

Таким образом, мы имеем право говорить не о завоевании Чувашии Россией, а о присоединении чувашей к Русскому государству, которое имело важное значение для истории всего Среднего Поволжья, практически решив судьбу Казанского ханства. Для чувашей вхождение в состав Русского государства обеспечило временное облегчение от тяжелых ясаков, собираемых казанскими феодалами, а также относительную безопасность от татарских набегов. Этим объясняется дальнейшее участие чувашей на стороне русских в борьбе против Казани. В свою очередь казанцы не могли примириться с потерей горной стороны и «на

⁵⁸ ПСРЛ, XX, стр. 481.

⁵⁹ «Бортовые ужожья в лесах и бобровые гоны в реках во всех Свияжском уезде татарские и черемисские и чувашские, а за крестьяны бортовых ужожьев и бобровых гонов не было» (Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда 1565—1567 г.г., Казань, 1909, стр. 65).

⁶⁰ Там же, стр. 482.

⁶¹ ПСРЛ, XX, стр. 482.

⁶² Там же, стр. 484.

горную сторону стали войною приходить и отводить их от государя». Эти попытки вызвали решительный отпор горных людей, разбивших казанские отряды⁶³.

Конечно, переход чувашей под главенство России не проходил вполне безболезненно. Уже в 1552 г., незадолго до взятия Казани, стали приходить известия, что горные люди волнуются и сносятся с Казанью, отряды горных людей появились даже под Свияжском и отогнали русские стада⁶⁴. Воеводы предприняли поход против «горных изменников» и разорили их села⁶⁵. Из летописи, впрочем, неясно, где находились села восставших горных людей и кого надо понимать под этим общим наименованием. Во всяком случае восстания горных людей не получили большого распространения. Наоборот, в числе русских войск, бравших Казань в 1552 г., найдем третий полк, в котором были многие горные люди, в том числе черемисы и чуваша⁶⁶.

5

После присоединения Казанского ханства к России новый город Свияжск получил значение основного центра на горной стороне Волги. Писцовая книга Свияжска и его уезда 1565—1567 гг. рисует перед нами очень большой для середины XVI в. русский город со значительной торговлей и ремесленным населением. Этот торгово-ремесленный характер становится понятным, если вспомнить, что Свияжск был фактической столицей всей горной стороны. Взаимоотношения обеих сторон, горной и луговой, были установлены Иваном Грозным вскоре после взятия Казани уже в 1553 г.: «горним людем всякую управу велел чинити в Свиязском городе, а луговым и Арским велел управу в Казани чинити». Таким образом, территория Казанского ханства была разделена на два равноправных воеводства. Эта равноправность свияжских воевод с казанскими была подчеркнута постановлением о смешном суде при столкновениях горных людей с луговыми: «а о смешных делах горним с казанскими государь велел ссылатися воеводам казанским с свиязскими и свиязским с казанскими»⁶⁷.

Особое положение горной стороны сохранилось, повидимому, до конца царствования Ивана Грозного. По крайней мере завещание Ивана Грозного рассматривает луговую и «нагорную» сторону Волги как особые владения. Грозный дает своему наследнику царевичу Ивану Ивановичу «город Казань с Арскою стороною и с побережною стороною и с луговою стороною... что было изстари к Казанской земле потягло при прежних царех». Что касается «горной стороны», то Иван IV рассматривал ее в том же завещании как особую землю. «А что есмь с божиею помощию поставил город на Свиязе, на нагорной же поставил есьми на Чебоксаре город, и яз городом Свияжским и городом Чебоксарским благославляю сына же своего Ивана, и даю ему город Свияжский, город Чебоксарской, со всею горною стороною, и со всею Чувашею и Черемисою и с Мордвами, и с их вотчинами и с рыбными ловлями и со всеми пошлинами, как ми бог дал горную сторону к Свияжскому и к Чебоксарскому городу»⁶⁸.

Однако уже вскоре после завоевания Казани стало выясняться, что Свияжск как крупный торговый пункт не имеет будущности вследствие

⁶³ ПСРЛ, XX, стр. 493.

⁶⁴ Там же, стр. 495.

⁶⁵ Там же, стр. 512.

⁶⁶ Там же, стр. 514.

⁶⁷ Там же, стр. 533.

⁶⁸ Дополнение к Актам историческим, т. 1, № 222, стр. 384 (завещание Ивана Грозного). Это постановление, между прочим, доказывает подлинность завещания Грозного, его не мог выдумать позднейший подделыватель.

своей близости к Казани. К тому же после утверждения в Поволжье русской власти в Поволжье отпала необходимость иметь большую русскую крепость в непосредственной близости к Казани. Новый город был расположен в отдалении от главного ступка чувашских поселений, группировавшихся в бассейне реки Цивили. Уже вскоре после построения Свяжска выяснилось, что жившие на реке Цивиле «верхние люди в город на Свягу не ездят»⁶⁹. Поэтому между 1552 и 1557 гг. был построен город Чебоксары, вероятно, на базе старого чувашского поселения, так как о Чебоксарах упоминается в летописи еще под 1469 г.⁷⁰ Во всяком случае Чебоксары уже существовали в 1557 г., когда они упоминаются рядом с Казанью и Свяжском. В дальнейшем Чебоксары и сделались тем центром, откуда шло управление Чувашией. На первых порах русские поселения группировались поблизости от Волги, в районах Чебоксар и Свяжска. Только в конце XVI в. был построен Цивильск, это был «город в Черемисе Цивилской»⁷¹. Его основание в 1590 г. было результатом большого строительства укрепленных городов в Среднем Поволжье, предпринятого в последние годы царствования Федора Ивановича.

Вслед за утверждением господства России в Поволжье в Чувашию стали проникать русские помещики. О том, как русские помещики быстро утверждались на новых землях в Среднем Поволжье, дает понятие писцовая книга по Свяжску, составленная в 1565—1567 гг. Чуваши были оттеснены со своих земель на худшие земли, и в Чувашии стали устанавливаться крепостные порядки, характерные и для самой России.

6

Оценивая положение Чувашии до и после ее присоединения к России, мы приходим к выводу, что присоединение чувашей к России было явлением прогрессивным. В качестве одного из народов, подчиненных Казанскому ханству, чувашаи не имели путей для своего развития. Этот путь развития лежал перед ними только в союзе с русским народом. Тяжелый колониальный гнет, который испытывала Чувашия в царской России, был общей участью всех народов, подчинявшихся царизму. Чувашский народ совместно с русским боролся против царизма. «Революция в России не победила бы, и Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи», — указывает И. В. Сталин в своей работе «Об основах ленинизма»⁷².

⁶⁹ ПСРЛ, XX, стр. 494.

⁷⁰ Там же, стр. 280

⁷¹ См. М. Н. Тихомиров, Малоизвестные летописные памятники XVI в., Исторические записки, т. 10, стр. 94. Возможно, что к этому же времени относится и построение Ядринска.

⁷² И. Сталин, Соч., т. 6, стр. 147—148.